

ТАИНСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ
БИЛЛИ МИЛЛИГАНА

ДЭНИЕЛ

ЕЩЕ ОДИН ТРОГАЮЩИЙ ДУШУ РОМАН
ОТ АВТОРА «ЦВЕТОВ ДЛЯ ЭЛДЖЕРНОНА»

КИЗ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР·ЧИТАЕТ ВЕСЬ МИР

Дэниел Киз

**Таинственная история
Билли Миллигана**

«ЭКСМО»

1981

Киз Д.

Таинственная история Билли Миллигана / Д. Киз — «Эксмо»,
1981

ISBN 978-5-699-77053-3

Билли просыпается и обнаруживает, что находится в тюремной камере. Ему сообщают, что он обвиняется в изнасиловании и ограблении. Билли потрясен: он ничего этого не делал! Последнее, что он помнит, – это как хотел броситься вниз с крыши здания школы. Ему говорят, что с тех пор прошло семь лет. Билли в ужасе: у него опять украли кусок жизни! Его спрашивают: что значит «украли кусок жизни»? И почему «опять»? Выходит, такое случается с ним не впервые? Но Билли не может ответить, потому что Билли ушел... Перу Дэниела Киза принадлежит одно из культовых произведений конца XX века – роман «Цветы для Элджернона». «Таинственная история Билли Миллигана» не менее потрясающая и проникновенная.

ISBN 978-5-699-77053-3

© Киз Д., 1981

© Эксмо, 1981

Содержание

Благодарности	6
Предисловие	7
Книга первая	10
Десятка	10
Нежелательные личности	12
Учитель	13
Путаные времена	14
Глава первая	14
1	14
2	21
3	22
4	23
5	27
Глава вторая	28
1	28
2	30
3	30
4	33
5	35
6	41
7	45
8	50
Глава третья	54
1	54
2	55
3	58
4	66
5	68
6	73
7	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Дэниел Киз

Таинственная история Билли Миллигана

Посвящается всем, кто в детстве страдал от жестокого обращения, в особенности тем, кто после этого вынужден скрываться...

DANIEL KEYES

THE MINDS OF BILLY MILLIGAN

Copyright © 1981 by Daniel Keyes

© Федорова Ю., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Благодарности

Помимо сотен встреч и разговоров с самим Уильямом Стэнли Миллиганом, эта книга опирается на беседы с шестьюдесятью двумя людьми, с которыми он пересекся на жизненном пути. И хотя многие фигурируют в рассказе под собственными именами, я хотел бы отдельно поблагодарить их за содействие.

Я также говорю «спасибо» всем, кто перечислен ниже, – эти люди очень помогали мне в проведении расследования, благодаря им родилась идея, писалась и была издана эта книга.

Это доктор Дэйвид Кол, директор Центра психического здоровья города Афины, доктор Джордж Хардинг-младший, директор больницы Хардинга, доктор Корнелия Уилбур, государственные защитники Гэри Швайкарт и Джуди Стивенсон, адвокаты Л. Алан Голдсберри и Стив Томпсон, Дороти Мур и Дел Мур, мать и нынешний отчим Миллигана, Кэти Моррисон, сестра Миллигана, а также близкая подруга Миллигана Мэри.

Помимо этого, я благодарю работников следующих заведений: Центра психического здоровья Афин, больницы Хардинга (в особенности Элли Джонс из отдела связей с общественностью), Управления полиции при Университете штата Огайо, прокуратуры штата Огайо, Управления полиции Коламбуса, Управления полиции Ланкастера.

Я также хочу выразить благодарность и уважение двум жертвам изнасилования из Университета штата Огайо (которые фигурируют в книге под псевдонимами Кэрри Драер и Донна Уэст) за то, что они согласились предоставить детальное описание своего восприятия событий.

Хотелось бы сказать «спасибо» и моему агенту и юристу Дональду Энгелю за его уверенность и поддержку в запуске этого проекта, а также моему редактору Питеру Гезерсу, чей неугасаемый энтузиазм и критический взгляд помогли мне упорядочить собранный материал.

Помочь мне соглашались многие, но были и те, кто предпочел со мной не разговаривать, так что я хотел бы объяснить, откуда взял некоторые сведения.

Комментарии, цитаты, размышления и идеи доктора Гарольда Т. Брауна из психиатрической больницы Фэрфилда, лечившего Миллигана, когда тому было пятнадцать лет, почерпнуты из его врачебных записей. Миллиган сам ясно помнил встречи с Дороти Тернер и доктором Стеллой Кэролин из Юго-западного центра психического здоровья, которые первыми обнаружили у него расщепление личности и поставили ему диагноз. Описания дополнены показаниями, данными им под присягой, а также свидетельствами других психиатров и адвокатов, с которыми они в то время общались.

Челмер Миллиган, приемный отец Уильяма (который в ходе судебного разбирательства, а также в СМИ фигурировал как «отчим»), отказался обсуждать как выдвинутые против него обвинения, как и от моего предложения рассказать собственную версию событий. Он писал в газеты и журналы, давал интервью, где отрицал заявления Уильяма, что якобы «угрожал, мучил, насиловал» пасынка. Поэтому предполагаемое поведение Челмера Миллигана реконструировано по судебным протоколам, подкрепленным письменными показаниями родственников и соседей, а также по проведенным мной «под запись» беседам с его дочерью Челлой, его приемной дочерью Кэти, его приемным сыном Джимом, его бывшей женой Дороти и, естественно, с самим Уильямом Миллиганом.

Отдельного признания и благодарности заслуживают мои дочери Хилари и Лесли – за их помощь и понимание в те трудные дни, когда я собирал этот материал, а также моя жена Ауреа, которая, помимо обычной редакторской правки, прослушала и систематизировала несколько сотен часов записанных на пленку интервью, что позволило мне быстро ориентироваться в них и при необходимости перепроверять сведения. Без ее помощи и энтузиазма на книгу ушло бы намного больше лет.

Предисловие

Книга представляет собой основанное на фактах описание жизни Уильяма Стэнли Миллигана по настоящий момент. Этот человек впервые в истории США был признан невиновным в совершении тяжких преступлений по причине наличия психического заболевания, а именно расстройства множественной личности.

В отличие от прочих случаев, когда в психиатрической и художественной литературе описывались пациенты с диссоциативным расстройством личности, анонимность которых с самого начала обеспечивалась вымышленными именами, Миллиган с момента своего ареста и обвинения приобрел статус известной общественности противоречивой фигуры. Его портреты печатали на обложках газет и журналов. Результаты его психиатрической экспертизы освещали в вечерних новостях по телевидению и газетах всего мира. Кроме того, Миллиган стал первым человеком с таким диагнозом, за которым велось пристальное круглосуточное наблюдение в условиях больничного стационара, а результаты, говорящие о множественной личности, подтверждали под присягой четыре психиатра и психолог.

Впервые я встретился с двадцатитрехлетним Миллиганом в Центре психического здоровья города Афины, штат Огайо, вскоре после того, как он был отправлен туда решением суда. Когда он обратился ко мне с просьбой рассказать о его жизни, я ответил, что мое решение будет зависеть от того, есть ли ему что добавить к многочисленным репортажам в СМИ. Билли заверил меня, что важнейшие секреты населяющих его личностей неизвестны еще никому, даже адвокатам и работавшим с ним психиатрам. Миллигану захотелось объяснить миру суть своего заболевания. Я отнесся к этому со скепсисом, но в то же время заинтересовался.

Мое любопытство возросло еще больше через несколько дней после нашего знакомства благодаря последнему абзацу статьи из «Ньюсуик», которая называлась «Десять лиц Билли»:

«Тем не менее, некоторые вопросы остались без ответов: где Томми (одна из его личностей) научился мастерству побега, в котором он не уступит самому Гудини? Почему в беседах с жертвами изнасилования он называл себя «партизаном» и «гангстером»? По мнению врачей, у Миллигана могут быть и другие личности, о которых мы пока не имеем никакого представления, и, возможно, некоторые из них совершали преступления, которые еще не раскрыты».

Общаясь с ним наедине в приемные часы психиатрической клиники, я увидел, что Билли, как его в то время все называли, сильно отличался от уравновешенного молодого человека, с которым я беседовал в нашу первую встречу. Во время разговора Билли запинался, нервно дергал коленками. Воспоминания его были скудными, прерывались длительными пробелами амнезии. Ему удавалось лишь произнести несколько общих слов о тех эпизодах из прошлого, о которых он хоть что-то помнил, – смутно, без подробностей, а во время рассказа о болезненных ситуациях голос его дрожал. После тщетных попыток вытянуть из него хоть что-то я был готов сдаться.

Но однажды началось нечто странное. Билли Миллиган впервые полностью интегрировался, и передо мной оказался другой человек, сплав всех его личностей. Объединенный Миллиган четко и практически полностью помнил все свои личности с момента их появления – все их мысли, поступки, отношения, тяжелый опыт и забавные приключения.

Я говорю об этом сразу, чтобы читатель понимал, каким образом я записал прошлые события, чувства и интимные разговоры Миллигана. Весь материал для книги предоставлен Билли в моменты интеграции, его личностями и шестьюдесятью двумя людьми, с которыми он общался на различных жизненных этапах. События и диалоги воссозданы по памяти Миллигана. Терапевтические сессии записаны с видеокассет. Я сам ничего не придумал.

Когда я начал писать, одной из серьезных проблем стала хронология. У Миллигана с детства часто «выпадало время», он редко смотрел на часы или календари, зачастую ему с нелов-

костью приходилось признавать, что он не знает, какой сейчас день недели или даже месяц. В конце концов мне удалось восстановить последовательность событий на основании счетов, квитанций, страховых отчетов, записей об учебе, работе и других многочисленных документов, предоставленных мне его матерью, сестрой, работодателями, адвокатами и врачами. Свою корреспонденцию Миллиган датировал редко, но у его бывшей девушки остались сотни его писем, полученных за те два года, что он сидел в тюрьме, а на конвертах стояли числа.

В ходе работы мы с Миллиганом сошлись на двух основных правилах.

Во-первых, под настоящими именами выводятся все люди, места и организации, за исключением трех групп лиц, которых потребовалось защитить псевдонимами: это другие пациенты психиатрических больниц; преступники, с которыми Миллиган имел отношения как в подростковом, так и во взрослом возрасте, против которых еще не выдвинуты обвинения и с которыми мне не удалось побеседовать лично; а также три жертвы изнасилования из Университета штата Огайо, включая двух, согласившихся на разговор со мной.

Во-вторых, чтобы гарантировать Миллигану, что против него не будут выдвинуты новые обвинения, в случае, если какие-то из его личностей вспомнят о преступлениях, которые еще могут вменить ему в вину, он дал мне право «поэтической вольности» в описании этих событий. С другой стороны, те преступления, за которые Миллиган уже был осужден, снабжены подробностями, о которых до того никто не знал.

Большинство из тех людей, с которыми встречался Билли Миллиган, работал с ним или даже стал его жертвой, в итоге согласились с диагнозом множественной личности. Многие вспоминали какие-то его поступки или слова, которые заставляли признавать: «Он явно не прикидывался». Но другие продолжают считать его мошенником, гениальным обманщиком, заявившем о своем умопомешательстве лишь для того, чтобы избежать тюрьмы. Я постарался побеседовать с как можно большим числом представителей обеих групп – со всеми, кто только соглашался на это. Они рассказали мне, что думают и почему.

Я тоже относился к его диагнозу скептически. Практически ежедневно я склонялся то к одной точке зрения, то к противоположной. Но я работал над этой книгой вместе с Миллиганом два года, и мои сомнения по поводу его воспоминаний о собственных поступках и опыте, казавшихся просто невероятными, сменились твердой уверенностью, поскольку мое расследование подтвердило их точность.

Но это противоречие все еще занимает газетчиков штата Огайо. Это видно, например, из статьи, вышедшей в «Дейтон дейли ньюс» 2 января 1981 года – через три месяца после совершения последнего преступления:

«МОШЕННИК ИЛИ ЖЕРТВА?»

Мы в любом случае прольем свет на дело Миллигана.

Джо Фенли

Уильям Стэнли Миллиган – нездоровый человек, ведущий нездоровую жизнь.

Он либо обманщик, который одурачил общественность и ушел от наказания за страшные преступления, либо реальная жертва такого заболевания, как расщепление личности. В любом случае все плохо...

И лишь время покажет, оставил ли Миллиган весь мир в дураках или стал одной из его самых жалких жертв...

Возможно, это время пришло.

Д. К.

Афины, Огайо

3 января 1981 г.

Книга первая

Внутренние люди

Десятка

Во время судебного процесса психиатрам, адвокатам, полиции и репортерам были известны только эти личности.

1. *Уильям Стэнли Миллиган («Билли»)*, 26 лет. Первичная личность или ядро, которую позднее называли «разъединенный Билли», или «Билли-Р». Не окончил школу. 183 см, 86 кг¹. Голубые глаза, каштановые волосы.

2. *Артур*, 22 года. Англичанин. Рациональный, бесчувственный, разговаривает с британским акцентом. Выучил физику и химию по книгам. Бегло читает и пишет по-арабски. Твердо придерживается консервативных взглядов и считает себя капиталистом, при этом явный атеист. Первый обнаружил существование остальных, берет власть над ними в безопасных ситуациях, решает, кому из «семьи» предстоит выйти в пятно и завладеть сознанием. Носит очки.

3. *Рейджен Вадаскович*, 23 года. «Хранитель ненависти», что выражено и в его имени: оно происходит от слияния слов «Rage» и «again»². Югослав, по-английски говорит с заметным славянским акцентом, читает, пишет и разговаривает на сербскохорватском языке. Специалист по оружию и амуниции, отлично владеет карате, невероятно сильный, поскольку может управлять выбросами адреналина. Коммунист и атеист. Его обязанность – защищать семью, а также вообще всех женщин и детей. Берет власть над разумом в опасных ситуациях. Общался с бандитами и наркоманами, признается в совершении преступлений, иногда насильственных. Весит 95 кг, у него огромные руки, черные волосы и длинные свисающие усы. Дальтоник, рисует черно-белые эскизы.

4. *Аллен*, 18 лет. Мошенник, манипулятор. Обычно общается с посторонними. Агностик, придерживается максимы «Надо получить от этой жизни все». Играет на ударных, рисует портреты, единственный из личностей курит сигареты. В близких отношениях с матерью Билли. Рост как у Уильяма, но весит меньше (75 кг). Пробор направо, единственный правша.

5. *Томми*, 16 лет. Владеет искусством освобождения из пут. Зачастую его путают с Алленом, как правило, асоциален и настроен враждебно. Играет на саксофоне, рисует пейзажи, специалист в электронике. Волосы темно-русые, желто-коричневые глаза.

6. *Дэнни*, 14 лет. Запуганный. Боится людей, в особенности мужчин. Его вынудили выкопать самому себе могилу и похоронили заживо, поэтому рисует только пейзажи. Светлые волосы до плеч, голубые глаза, невысокий, худой.

7. *Дэвид*, 8 лет. Хранитель боли, или эмпат. Принимает на себя всю боль и страдания других личностей. Очень чуткий и восприимчивый, но быстро теряет сознание. Большую часть времени ничего не понимает. Темные каштановые волосы с рыжиной, голубые глаза, миниатюрный.

8. *Кристин*, 3 года. Так называемый «ребенок, которого ставили в угол», потому что в детстве именно она стояла в углу. Умная малышка, англичанка, умеет читать и писать печатными буквами, но страдает дислексией. Любит рисовать яркие цветы и бабочек. Голубые глаза и светлые волосы до плеч.

¹ Американская система мер переведена в книгу в метрическую. – *Здесь и далее примеч. переводчика.*

² «Ярость» и «снова» (англ.).

9. *Кристофер*, 13 лет. Брат Кристин. Разговаривает с британским акцентом. Послушный ребенок, но беспокойный. Играет на губной гармошке. Волосы русые, как у Кристин, но челка не такая длинная.

10. *Адалана*, 19 лет. Лесбиянка. Стеснительная и одинокая, интроверт, пишет стихи, готовит и ведет хозяйство за всех остальных. Длинные редкие черные волосы, карие глаза с нистагмом, описывая ее, говорят про «бегающие глаза».

Нежелательные личности

Эти личности подавлялись Артуром как обладавшие нежелательными чертами. Впервые обнаружены доктором Дэвидом Колом из Центра психического здоровья Афин.

11. *Филип*, 20 лет. Бандит. Из Нью-Йорка, говорит с сильным бруклинским акцентом, много сквернословит. Именно по описаниям «Фила» полицейские и репортеры поняли, что у Билли больше десяти известных им личностей. Совершал мелкие преступления. Выющиеся каштановые волосы, карие глаза, орлиный нос.

12. *Кевин*, 20 лет. Стратег. Мелкий криминальный элемент, автор плана ограбления аптеки Грэя. Любит писать. Зеленоглазый блондин.

13. *Уолтер*, 22 года. Австралиец. Воображает себя охотником на крупную дичь. Прекрасно умеет ориентироваться, часто используется для поисков. Сдерживает эмоции. Эксцентричен. Носит усы.

14. *Эйприл*, 19 лет. Стерва. Говорит с бостонским акцентом. Захвачена мыслями и планами дьявольской мести отчиму Билли. Другие считают ее безумной. Шьет и помогает в работе по дому. Темные волосы, карие глаза.

15. *Сэмюель*, 18 лет. Вечный жид. Ортодоксальный иудей, единственный верующий. Увлекается скульптурой и резьбой по дереву. Темные выющиеся волосы и карие глаза, носит бороду.

16. *Марк*, 16 лет. Работяга. Безынициативный. Ничего не делает, пока не прикажут другие. Выполняет монотонную работу. Если делать нечего, может просто смотреть на стену. Иногда его называют «зомби».

17. *Стив*, 21 год. Вечный обманщик. Высмеивает людей, пародируя их. Самовлюбленный человек, единственный из всех, кто так и не признал диагноз множественной личности. У других из-за его издевательского пародирования часто бывают проблемы.

18. *Ли*, 20 лет. Комедиант. Приколист, клоун, остряк, из-за его розыгрышей остальных вовлекают в драки, и они оказываются в тюремной камере-«одиночке». Ему плевать на последствия собственных действий и на жизнь вообще. Темно-каштановые волосы, карие глаза.

19. *Джейсон*, 13 лет. «Клапан давления». Его истерики и припадки, часто навлекающие наказание, служат способом спустить накопившееся напряжение. Берет на себя неприятные воспоминания, чтобы остальные могли забыть о случившемся, тем самым вызывает амнезию. Каштановые волосы, карие глаза.

20. *Роберт (Бобби)*, 17 лет. Фантазер. Постоянно грезит о путешествиях и приключениях. Хотя мечтает сделать что-нибудь на благо человечества, амбиций и реальных идей на этот счет у него нет.

21. *Шон*, 4 года. Глухой. Быстро теряет сознание, многие считают его отсталым. Жужжит, чтобы ощутить вибрацию в голове.

22. *Мартин*, 19 лет. Сноб. Дешевый позер из Нью-Йорка. Любит приврать и прихвастнуть. Хочет иметь, не зарабатывая. Сероглазый блондин.

23. *Тимоти (Тимми)*, 15 лет. Работал в цветочном магазине, где познакомился с гомосексуалистом, который принялся помогать ему, чем и напугал. Ушел в собственный мир.

Учитель

24. *Учитель*, 26 лет. Комбинация всех двадцати трех «я» в одном человеке. Это он научил их тому, что они умеют. Очень умный, чуткий, с юмором. Как говорит он сам: «Я – Билли двадцать три в одном», а остальных называет «созданными мной андроидами». Учитель отличается практически полной памятью, и появление этой книги на свет стало возможно благодаря его появлению и помощи.

Путанные времена

Глава первая

1

В субботу, 22 октября 1977 года, начальник университетской полиции Джон Клеберг поместил территорию медицинского факультета Университета штата Огайо под усиленную охрану. Вооруженные полицейские на машинах и пешком патрулировали весь кампус, даже на крышах поставили вооруженное наблюдение. Женщин предупредили: не ходить поодиночке и, когда будут садиться в машину, обращать внимание на то, нет ли рядом мужчин.

Между семью и восемь утра уже второй раз за последние восемь дней в кампусе под дулом пистолета была похищена молодая женщина. Первой стала двадцатипятилетняя студентка факультета оптометрии, а второй – двадцатичетырехлетняя медсестра. Их обеих увезли за город, изнасиловали, заставили снять деньги по чековой книжке и ограбили.

В газетах появились составленные полицией субъективные портреты, в ответ поступили сотни телефонных звонков: люди сообщали имена, описывали внешность преступника – и все оказалось бесполезным. Ни серьезных зацепок, ни подозреваемых не появилось. Напряжение в университетском сообществе возрастало. Начальнику полиции Клебергу становилось все тяжелее, поскольку студенческие организации и группы активистов требовали поимки человека, которого газетчики и телерепортеры Огайо начали называть «насильником из кампуса».

Ответственным за розыск Клеберг назначил молодого руководителя следственного отдела Элиота Боксербаума. Этот человек, называвший себя либералом, начал работать в полиции в 70-м во время обучения в Университете штата Огайо – после того как кампус пришлось закрыть из-за студенческих волнений. Когда Элиот в том же году получил диплом, ему предложили работу в университетской полиции с условием, что он отрежет волосы и сбреет усы. Он подстригся, но расставаться с усами не пожелал. Но его взяли и несмотря на это.

По фотороботам и описаниям, составленным двумя жертвами, Боксербаум и Клеберг пришли к заключению, что преступления совершил один и тот же человек: белый американец с каштановыми волосами от двадцати трех до двадцати семи лет и весом от восьмидесяти до восьмидесяти четырех килограммов. Оба раза мужчина был одет в коричневую спортивную куртку, джинсы и белые кеды.

Кэрри Драер, первая жертва, запомнила перчатки и небольшой револьвер. Время от времени зрочки насильника прыгали из стороны в сторону – Кэрри знала, что это симптом заболевания под названием «нистагм». Мужчина приковал ее наручниками к внутренней ручке двери машины, увез за город в какое-то безлюдное место и там изнасиловал. После чего объявил: «Если пойдешь в полицию, внешность мою не описывай. Увижу что-нибудь такое в газетах – пришло за тобой кого-нибудь». И, чтобы подтвердить серьезность своих намерений, выписал несколько имен из ее записной книжки.

По словам Донны Уэст, невысокой полной медсестры, у нападавшего был пистолет. На руках она заметила какие-то масляные пятна, не похожие ни на обычную грязь, ни на смазку. В какой-то момент он назвался Филом. Много и грязно ругался. Из-за коричневых солнцезащитных очков глаз она не видела. Он также записал имена ее родственников и пригрозил, что, если она его опознает, ребята из «братства» накажут ее саму или кого-то из близких. Сама Донна, как и полицейские, подумала, что преступник хвастался принадлежностью к какой-нибудь террористической организации или мафии.

Клеберга и Боксербаума смутило лишь одно существенное различие в двух полученных описаниях. У первого мужчины были густые и аккуратно подстриженные усы. А у второго – лишь трехдневная щетина вместо бороды и никаких усов.

Боксербаум лишь улыбнулся. «Полагаю, он сбрил их в промежутке между первым и вторым преступлением».

В среду 26 октября в три часа дня детектив Никки Миллер, руководитель отдела расследования половых преступлений Главного полицейского отделения в центре Коламбуса, вышла на работу во вторую смену. Она только что вернулась из двухнедельного отпуска, проведенного в Лас-Вегасе, после которого выглядела и чувствовала себя отдохнувшей – загар очень шел к ее карим глазам и золотисто-русым волосам, постриженным лесенкой. Детектив Грэмслих, дорабатывавший первую смену, сообщил ей, что отвез молодую женщину – жертву изнасилования – в университетскую больницу. Он поведал коллеге те немногочисленные подробности, которые были ему известны, поскольку именно Никки Миллер предстояло вести это дело.

В тот же день около восьми утра возле своей квартиры, расположенной неподалеку от кампуса, была похищена Полли Ньютон, двадцатидесятилетняя студентка Университета штата Огайо. Она только успела припарковать голубой «Корвет» своего бойфренда, как ее тут же затолкали обратно и приказали ехать за город и остановиться в безлюдном месте, после чего изнасиловали. Потом напавший заставил ее вернуться в Коламбус, обналичить два чека и отвезти его обратно в кампус. Затем велел обналичить еще один чек, а позже аннулировать платеж и оставить деньги себе.

Будучи в отпуске, Никки Миллер не читала ничего о «насильнике из кампуса», не видела опубликованные субъективные портреты. Детективы, работавшие в первую смену, рассказали ей подробности.

«Особенности данного преступления, – писала Миллер в отчете, – аналогичны двум другим похищениям с изнасилованием... которыми занимается полиция Университета штата Огайо, поскольку они относятся к их юрисдикции».

Никки Миллер и ее партнеро офицер А. Дж. Бессел направились в университетскую больницу, чтобы побеседовать с Полли Ньютон, девушкой с золотисто-каштановыми волосами.

По словам Полли, похититель сообщил ей, что является «уэзерменом»³, но, помимо этого, у него есть и «другое я» – бизнесмен, который ездит на «Мазерати». После того как Полли выписали из больницы, она согласилась отправиться с Миллер и Бесселом на поиски того места, куда ее вынудил ехать преступник. Однако стемнело, Полли запуталась и согласилась сделать еще одну попытку на следующее утро.

Бригада, выехавшая на место преступления, сняла отпечатки пальцев с ее машины. Было найдено три частичных отпечатка, но этого было достаточно для последующего сравнения с отпечатками подозреваемых.

Миллер и Бессел отвезли Полли в сыскное бюро, чтобы она поговорила с художником – для составления субъективного портрета. Затем Миллер попросила девушку просмотреть фотографии белых преступников, совершавших изнасилования. Та изучила три альбома с портретами, по сто штук в каждом, но безрезультатно. Полли бросила это занятие только в десять часов вечера, измученная семичасовыми попытками помочь следствию.

На следующее утро в десять пятнадцать детективы из утренней смены отдела по расследованию половых преступлений заехали за Полли Ньютон и отправились в округ Делавэр. При свете дня ей удалось найти дорогу до места преступления, где на берегу пруда обнаружи-

³ «Уэзермены» («Синоптики») – леворадикальная боевая организация, действовавшая в США с 1969 по 1977 год. Была сформирована из радикального крыла движения «Студенты за демократическое общество», выступавшего против войны во Вьетнаме.

лась гильза от девятимиллиметровой пули. Девушка сообщила детективам, что в этом месте ее похититель стрелял по пивным бутылкам, которые сам же бросал в воду.

К тому моменту как они вернулись в отделение, Никки Миллер только приехала на работу. Она усадила Полли в небольшую комнатку напротив стола секретаря в приемной и принесла ей еще один альбом с портретами преступников. Оставив Полли одну, она закрыла дверь.

Несколько минут спустя Элиот Боксербаум привез в сыскное бюро Донну Уэст, вторую жертву. Он хотел, чтобы и она просмотрела фотографии. Они с начальником полиции Клебергом решили оставить студентку про запас для «живого» опознания на случай, если суд не признает опознание по фотографии.

Никки Миллер усадила Донну Уэст за стол, стоявший в коридоре возле шкафа, и принесла ей три альбома с фотопортретами. «Боже мой, – удивилась девушка, – по улицам разгуливает так много насильников?» Пока Донна изучала их один за другим, Боксербаум с Миллер ждали неподалеку. Донна недовольно листала альбом. Она узнала одно лицо, но это оказался не изнасиловавший ее мужчина, а бывший одноклассник, которого она недавно видела на улице. На обороте она прочла, что парень был арестован за непристойное обнажение. «Бог знает, на что способны люди», – пробормотала она.

Приблизительно на середине альбома Донна остановилась на портрете миловидного юноши с бакенбардами и унылым, но пристальным взглядом. Потом подскочила так, что стул чуть не упал. «Это он! Он! Точно!»

Миллер попросила Донну написать ее имя на обороте снимка, а потом по идентификационному номеру нашла его досье и выписала и имя подозреваемого: «Уильям С. Миллиган». Оказалось, что это старый портрет.

Затем Никки вложила эту фотографию ближе к концу альбома, который Полли Ньютон еще не просматривала. Потом они с Боксербаумом, детективом по фамилии Браш и офицером Бесселом пошли к девушке в комнату.

По мнению Никки Миллер, Полли наверняка догадалась, что они ждут, когда она опознает один из портретов в этом альбоме. Девушка неспешно листала страницы с фотокарточками, и где-то на середине альбома Миллер поймала себя на том, что очень напряжена. Если Полли укажет на тот же самый портрет, «насильник из кампуса» будет опознан.

Полли задержалась на снимке Миллигана, но вскоре стала листать дальше. Миллер ощутила, как напряглись ее плечи и руки. Через некоторое время Полли вернулась к молодому человеку с бакенбардами. «Вот он очень похож, – сказала она. – Но я не полностью уверена».

Боксербаум тоже сомневался, стоит ли выписывать ордер на арест Миллигана. Донна Уэст в своих показаниях не сомневалась, но это был снимок трехлетней давности. Следователю хотелось дожидаться результатов дактилоскопической экспертизы. Детектив Браш отправился на первый этаж, в бюро идентификации преступников, чтобы сличить отпечатки пальцев Миллигана с найденными на машине Полли.

Такая задержка злила Никки Миллер. Ей казалось, что свидетельства против этого человека довольно веские, и она хотела его задержать. Но поскольку жертва, Полли Ньютон, сомневалась в своих показаниях, оставалось лишь ждать. Через два часа поступил отчет. Отпечатки правого указательного и безымянного пальцев, а также ладони, найденные на стекле с пассажирской стороны «Корвета», принадлежали Миллигану. Полное совпадение. Для суда этого будет достаточно.

Но Боксербаум и Клеберг все еще колебались. Для задержания подозреваемого им не хватало полной уверенности, так что они вызвали для сравнения отпечатков независимого эксперта.

Поскольку отпечатки пальцев Миллигана совпадали с отпечатками со стекла машины жертвы, Никки Миллер решила сразу же возбудить дело о похищении, ограблении и изнаси-

ловании. Получить ордер на арест, задержать подозреваемого и привести в участок, после чего Полли сможет опознать его вживую.

Боксербаум придерживался мнения своего начальника, Клеберга, считавшего, что университетской полиции следует дождаться экспертной оценки. Это не должно было затянуться дольше чем на час-другой. Такие вещи лучше делать наверняка. В восемь вечера того же дня эксперт признал, что отпечатки принадлежат Миллигану.

«Хорошо, я возбуждаю дело по обвинению в похищении. По факту лишь это преступление совершено на территории кампуса, то есть в нашей юрисдикции. А изнасилование произошло в другом месте», – сказал Боксербаум. Он изучил сведения, поступившие из бюро идентификации: Уильям Стэнли Миллиган, 22 года, отбыл тюремное заключение, шесть месяцев назад условно освобожден из тюрьмы города Лебанон, штат Огайо. Последний зафиксированный адрес: 933 Спринг-стрит, Ланкастер, Огайо.

Миллер вызвала группу захвата, и она прибыла в ее отделение, чтобы составить план задержания преступника. Необходимо было выяснить, сколько человек проживает вместе с Миллиганом. По словам двух его жертв, Миллиган – террорист и гангстер, а при Полли он стрелял из пистолета. Полицейским оставалось предполагать, что он вооружен и опасен.

Офицер группы захвата Крейг предложил взять насильника хитростью: попросить в пиццерии «Домино» пустую коробку и сделать вид, что кто-то оформил заказ на его адрес, а когда Миллиган откроет дверь, Крейг постарается заглянуть в квартиру. Все согласились.

Но Боксербаума озадачил адрес преступника. Зачем бывшему заключенному ездить три раза за две недели из Ланкастера до Коламбуса, расстояние между которыми составляет семьдесят километров, ради изнасилования? Это показалось странным. И когда группа захвата готовилась к выезду, следователь набрал 411⁴ и спросил, не зарегистрирован ли Уильям Миллиган по другому адресу. Вскоре он записал новые координаты.

«Он переехал – 5673, Олд-Ливингстон авеню, Рейнольдсбург. Это в десяти минутах езды отсюда. На востоке. Так как будто логичнее».

Все вздохнули с облегчением.

В девять часов Боксербаум, Клеберг, Миллер, Бессел и еще четыре офицера из группы захвата Коламбуса в трех машинах уже ехали по шоссе со скоростью около тридцати километров в час, освещая путь фарами в таком густом тумане, которого ни один из них до того не видел.

Первой до места назначения добралась группа захвата. Вместо пятнадцати минут они ехали целый час, после чего еще четверть часа ушла на поиск нужного дома на извилистой новой улице жилого комплекса Ченинвэй. Пока не подъехали остальные, офицеры из группы захвата поговорили кое с кем из соседей. В квартире Миллигана горел свет.

Добравшись до места, детективы и офицеры университетской полиции заняли оговоренные места. Никки Миллер спряталась в патио по правую руку, чтобы ее не было видно. Бессел зашел за угол. Три других офицера из группы захвата расположились с противоположной стороны. Боксербаум с Клебергом бежали дом, поднялись и заняли позицию у двойных раздвижных стеклянных дверей.

Крейг достал из багажника пустую коробку от пиццы и черным маркером подписал на ней адрес: «Миллиган, 5673, Олд-Ливингстон». Он выпустил рубашку из джинсов, чтобы прикрыть револьвер, и как ни в чем не бывало пошел по лестнице пятиэтажного дома со стороны патио. Позвонил в звонок. Никто не открывал. Он снова нажал на кнопку, услышал какой-то шум и принял позу заскучавшего человека – в одной руке коробка с пиццей, другая лежит на бедре, возле пистолета.

⁴ В США и Канаде – телефон справочной службы.

Боксербаум, находившийся у задней двери, увидел молодого человека, который сидел перед большим цветным телевизором в коричневом кресле. Слева от входной двери стоял красный стул. В квартире была также гостиная-столовая в виде буквы Г. Никого больше следователь не заметил. Молодой человек, смотревший телевизор, встал и пошел открывать дверь.

Позвонив в звонок еще раз, Крейг понял, что через стекло возле двери на него кто-то смотрит. Дверь открылась, и перед ним оказался симпатичный парень.

– Я пиццу привез.

– А я не заказывал.

Крейг заглянул в квартиру и, поскольку шторы были не задернуты, за стеклянной задней дверью увидел Боксербаума.

– Меня направили по этому адресу. Заказ на имя Уильяма Миллигана. Это вы?

– Нет.

– Кто-то позвонил с этого адреса и заказал, – продолжал Крейг. – А вы кто?

– Это квартира моего друга.

– А где он сам?

– Сейчас его дома нет, – молодой человек говорил монотонно и сбивчиво.

– А где он? Кто-то же заказал пиццу. Билл Миллиган. На этот адрес.

– Не знаю. Соседи с ним знакомы. Может, они смогут что сказать, или это они сами заказали.

– Отведете меня к ним?

Юноша кивнул, подошел к двери напротив и чуть в стороне, постучал, подождал несколько секунд и попробовал еще раз. Никто не открыл.

Крейг бросил коробку, достал пистолет и поднес его к затылку подозреваемого.

– Ни с места! Я знаю, что ты Миллиган! – заявил он и надел на него наручники.

Молодой человек, казалось, был ошарашен.

– За что? Я ничего не делал.

Крейг ткнул его пистолетом между лопаток и дернул за волосы, словно за лошадиные поводья.

– Давай обратно в квартиру!

Пока детектив заталкивал его в дверь, подбежали и остальные офицеры захвата с пистолетами наготове. К ним присоединились и Боксербаум с Клебергом.

Никки Миллер достала фотографию и указала на родинку на шее Миллигана.

– Родинка такая же. То же лицо. Это он.

Когда Миллигана усадили на красный стул, Никки заметила, что парень смотрит перед собой так, как будто находится в трансе. Сержант Демпси наклонился и посмотрел под стул.

– Пистолет, – сказал он, доставая его при помощи карандаша. – «Магнум», девять миллиметров. «Смит-Вессон».

Один из офицеров группы захвата перевернул сиденье стоявшего перед телевизором кресла и собрался было достать обойму и полиэтиленовый пакет с патронами, но Демпси его остановил:

– погоди. У нас есть ордер на арест, а на обыск нет.

Он повернулся к задержанному:

– Вы позволите нам осмотреть квартиру?

Миллиган все так же тупо смотрел перед собой.

Зная, что проверить, есть ли в других комнатах кто-то еще, можно без ордера на обыск, Клеберг направился в спальню, где на незаправленной постели обнаружил коричневый спортивный костюм. В комнате царил беспорядок, по всему полу валялось грязное белье. Офицер заглянул в открытый встроенный шкаф – на полке аккуратно лежали кредитные карточки

Донны Уэст и Кэрри Драер. И даже бумажки, которые преступник у них взял. А на комодѣ обнаружили коричневые солнцезащитные очки и кошелек.

Клеберг пошел сообщить об увиденном Боксербауму и нашел его в отгороженной столовой, превращенной в студию.

– Посмотри.

Боксербаум показал на большую картину: какая-то королева или аристократка восемнадцатого века в голубом платье с кружевной оторочкой сидела перед фортепьяно, с нотами в руках. Детальность работы просто поражала. Картина была подписана именем Миллиган.

– Слушай, красиво, – признал Клеберг.

Он окинул взглядом выстроенные вдоль стены холсты, кисти, тюбики с краской.

Боксербаум хлопнул себя по лбу.

– Донна Уэст упоминала пятна на руке. Это краска. Он перед этим рисовал.

Никки Миллер тоже посмотрела на картину и вернулась к подозреваемому, который так и сидел на стуле.

– Вы же Миллиган, да?

Он изумленно посмотрел на нее.

– Нет, – буркнул он.

– У вас там красивая картина. Это вы рисовали?

Он кивнул.

– А на ней подпись «Миллиган», – с улыбкой сказала она.

К нему подошел Боксербаум.

– Билл, меня зовут Элиот Боксербаум, я из полиции Университета Огайо. Вы ответите на мои вопросы?

Молчание. Глаза у этого человека не дергались, как говорила Кэрри Драер.

– Ему кто-нибудь права зачитал? – Ответа не последовало, так что Боксербаум достал карточку и объявил Миллигану его права. Чтобы не оставалось сомнений. – Билл, вас обвиняют в похищении девушек из кампуса. Вы готовы обсудить этот вопрос?

Миллиган поднял на него потрясенный взгляд.

– Что такое? Я кому-то сделал плохо?

– Вы уверяли, что кто-то за ними придет. Кто?

– Надеюсь, я никому не сделал больно.

Когда еще один из офицеров пошел в спальню, Миллиган поднял голову.

– Только не пинайте коробку. Взорвется.

– Там бомба? – поспешно спросил Клеберг.

– Она... там...

– Покажете? – попросил Боксербаум.

Миллиган медленно встал и пошел в спальню. Встав у двери, он кивнул в сторону небольшой картонной коробки, стоявшей возле комода. Клеберг остался с ним, а Боксербаум вернулся в гостиную. Остальные офицеры столпились в дверном проеме позади Миллигана. Боксербаум опустился на колени возле коробки. Через отверстие сверху в ней виднелись провода и нечто, похожее на часы.

Он вышел из комнаты и обратился к сержанту Демпси:

– Позвоните в пожарную службу и вызовите команду по обезвреживанию взрывных устройств. Мы с Клебергом вернемся в участок. И отвезем туда Миллигана.

Клеберг сел за руль полицейской машины. Рядом с ним – Роквелл из группы захвата. Боксербаум с Миллиганом, который так ничего и не ответил на вопросы об изнасилованиях, расположились сзади. Билли наклонился вперед, поскольку руки в наручниках завели за спину и ему было неудобно сидеть. При этом он бормотал нечто бессвязное.

– Мой брат Стюарт умер... я сделал кому-то плохо?

– Были ли вы знакомы с кем-то из этих девушек? – спросил Боксербаум. – Знали ли вы медсестру?

– Моя мать работала медсестрой, – промямлил Миллиган.

– Объясните, почему вы выбирали жертв на территории кампуса.

– На меня охотятся немцы...

– Билл, давайте обсудим случившееся. Вас соблазнили длинные черные волосы медсестры?

Миллиган посмотрел на него.

– Вы странный какой-то, – а через время добавил: – Моя сестра жутко разозлится, когда узнает.

Боксербаум сдался.

Приехав в главное полицейское отделение, они провели преступника через служебный вход в кабинет предварительного следствия, расположенный на четвертом этаже. Боксербаум и Клеберг пошли в другую комнату, чтобы помочь Никки Миллер составить письменные показания, необходимые для получения ордера на обыск.

В половине двенадцатого офицер Бессел снова зачитал Миллигану его права и спросил, будет ли он от них отказываться. Миллиган тупо смотрел на него.

Никки Миллер слышала, как Бессел с ним разговаривал.

– Слушай, Билл, ты изнасиловал трех женщин, нам нужны разъяснения.

– Я? – переспросил Миллиган. – Я кому-то навредил? Если я кого-то обидел, прошу прощения.

После чего замолчал.

Бессел повел его на пятый этаж, чтобы снять отпечатки пальцев и сделать фотографии.

Когда они вошли, на них посмотрела женщина в форме. Бессел схватил Миллигана за руку, чтобы снять отпечатки, но тот вдруг резко ее отдернул, словно его испугало это прикосновение, и он попытался защититься, спрятавшись за спину женщины.

– Он боится, – заметила она. Повернувшись к белому как мел и трясущемуся молодому человеку, женщина объяснила мягко, словно ребенку: – Нам надо снять отпечатки пальцев. Ты понимаешь, что это значит?

– Я... не хочу, чтобы он меня трогал.

– Хорошо, – ответила она. – Давай я. Согласен?

Миллиган кивнул и позволил ей провести процедуру.

После чего его сфотографировали, и офицер отвел Билли в камеру предварительного заключения.

Заполнив формуляры, необходимые для получения ордера на обыск, Никки Миллер позвонила судье Уэсту. Узнав о том, какие улики имеются в наличии и насколько срочное это дело, судья попросил ее заехать к нему домой и в двадцать минут второго ночи подписал ордер. Миллер вернулась в Ченинвэй, хотя туман к этому времени стал еще страшнее.

Затем она вызвала оперативно-следственную группу. Группа прибыла на место в два часа пятнадцать минут, Миллер предъявила ордер, и они обыскали квартиру. Вот список вещей, изъятых из квартиры подозреваемого:

КОМОД С ЗЕРКАЛОМ – 343 доллара наличными, солнцезащитные очки, наручники с ключом, кошелек, удостоверения личности на имя Уильяма Симса и Уильяма Миллигана, квитанция на имя Донны Уэст.

ШКАФ – карточки «Мастер Чардж» на имя Донны Уэст и Кэрри Драер, больничное удостоверение Донны Уэст, фотография Полли Ньютон, пистолет 25-го калибра [Tanfoglio Giuseppe] A.R.M.I. [sic], самозарядный с пятью боевыми патронами.

ТУАЛЕТНЫЙ СТОЛИК – лист бумаги 7,6х28 см с именем и адресом Полли Ньютон. Страница из ее записной книжки.

ИЗГОЛОВЬЕ КРОВАТИ – автоматический складной нож, два пакета с порошком.

КОМОД – телефонный счет на имя Миллигана, кобура «Смит-Вессон».

ПОД КРАСНЫМ СТУЛОМ – девятимиллиметровый «Смит-Вессон» с обоймой и шестью боевыми патронами.

ПОД СИДЕНЬЕМ КОРИЧНЕВОГО КРЕСЛА – обойма с пятнадцатью боевыми патронами и полиэтиленовый пакет с пятнадцатью патронами.

Вернувшись в отделение, Никки Миллер передала улики судебному секретарю, заверила их и отнесла в комнату, где хранились вещественные доказательства.

– Для суда этого будет достаточно, – заметила она.

Миллиган сидел в углу камеры съежившись, его сильно трясло. Вдруг послышался негромкий звук, обычно сопровождающий удушье, и он потерял сознание. Через минуту Билли открыл глаза и в крайнем удивлении осмотрел стены, унитаз, нары.

– Боже мой, нет! – закричал он. – Только не это!

Он уселся на пол и тупо уставился в пустоту. Заметил в углу таракана, и лицо его изменилось. Миллиган скрестил ноги, согнулся, сложил руки вместе и опустил на них подбородок, улыбнулся, как малое дитя, и принялся смотреть на бегающих кругами насекомых.

2

Когда через несколько часов за Миллиганом пришли, чтобы перевести его, тот не спал. Его приковали наручниками к огромному черному мужику и цепочку преступников вывели из фойе, вниз по лестнице и через заднюю дверь на стоянку, к фургону, направлявшемуся в окружную тюрьму Франклина.

Фургон доехал до торгового центра Коламбуса – футуристической крепости в самом центре города. Ее массивные бетонные стены без окон поднимались на высоту трех этажей, сходясь к центру. Из третьего этажа росло современное офисное здание. Во внутреннем дворе за всеми наблюдал памятник Бенджамину Франклину.

Фургон въехал в переулок за зданием тюрьмы и остановился перед гаражной дверью из гофрированной стали. Если посмотреть с этого ракурса, тюрьма оказывается в тени высотного здания, к которому пристроена, – окружного суда Франклина.

Дверь поднялась, фургон въехал, и она вновь опустилась. Заключенных в наручниках вывели в закуток между двумя стальными дверями. Всех, кроме одного. Миллиган, которому удалось снять наручники, остался в фургоне.

– Миллиган, выходи, – прокричал офицер. – Сукин сын, насильник херов! Думаешь, мы тут развлекаемся?

– Я тут ни при чем, – сказал чернокожий преступник, к которому ранее был прикован Миллиган. – Богом клянусь, он их просто снял на раз!

Ведущая в тюрьму дверь с шипением поехала вверх, и шестерых преступников загнали в проход между внешней дверью и обнесенной решеткой территорией. Через решетку была видна диспечерская – телеэкраны, компьютерные терминалы, десятки полицейских, и мужчин, и женщин, в серых брюках либо юбках и черных рубашках. Когда внешняя дверь закрылась, открылись внутренние ворота-решетка, и заключенных повели дальше.

В фойе сновали люди в черных рубашках, стучали по клавиатуре компьютерных терминалов. У самого входа стояла женщина с желтым конвертом.

– Сдаем ценные вещи, – объявила она. – Кольца, часы, украшения, кошельки.

Когда Миллиган вынул все из карманов, она взяла его куртку и проверила подкладку, после чего отдала ее офицеру как вещественное доказательство.

Молодой офицер обыскал арестованного еще раз, уже более тщательно, после чего Миллигана поместили в камеру с другими заключенными, которых предстояло сфотографировать с табличками на шее и зарегистрировать. Все пристально смотрели в небольшое квадратное окошко. Негр ткнул Миллигана в бок:

– Тебя, похоже, теперь все знают. Ловко ты браслеты скинул. Надо постараться, чтобы ты всех нас отсюда вызволил.

Миллиган тупо посмотрел на него.

– Будешь копов бесить, – продолжил он, – забьют насмерть. Уж поверь мне на слово, я тут не первый раз. Ты как, уже сидел?

Миллиган кивнул.

– Именно поэтому я и не радуюсь. Я бы предпочел уйти отсюда.

3

Когда в расположенной неподалеку от тюрьмы конторе государственного защитника зазвонил телефон, Гэри Швайкарт, рослый бородатый адвокат-координатор тридцати трех лет, как раз пытался раскурить трубку. Звонил Рон Редмонд, один из его штатных адвокатов.

– Узнал кое-что в муниципальном суде, – сообщил он. – Ночью схватили «насильника из кампуса», его только что перевели в окружную тюрьму Франклина. Залог – полмиллиона долларов. Надо выслать кого-нибудь для оказания первой юридической помощи.

– Рон, сейчас никого нет. Я тут один за всех.

– Ну, слухи уже расползаются, скоро набегут репортеры из «Ситизен джорнэл» и «Диспеч». У меня сложилось ощущение, что полиция будет его прессовать.

Когда совершались тяжкие уголовные преступления и возникала вероятность, что полицейские продолжат вести расследование и после ареста подозреваемого, Гэри Швайкарт обычно посылал в тюрьму первого попавшегося своего адвоката. Но этот случай был нестандартным. «Насильник из кампуса» уже привлек внимание СМИ, так что его арест стал жирным плюсом для полиции Колабмуса, и Швайкарт предположил, что они попробуют выбить из преступника признание или хоть какое-нибудь заявление. Защищать его права будет крайне нелегко.

Швайкарт решил сгонять в окружную тюрьму – просто быстренько представиться, сказать, что он государственный защитник, и посоветовать ни с кем не разговаривать, кроме своего адвоката.

Швайкарт подоспел как раз вовремя: два полицейских вывели Миллигана, чтобы сдать дежурному сержанту. Адвокат попросил полицейских позволить ему сказать пару слов заключенному.

– Я не знаю ничего о том, в чем меня обвиняют, – занял Миллиган. – Я ничего не помню. Они вошли ко мне и...

– Послушайте, я лишь хотел представиться, – ответил Швайкарт. – В коридоре, где полно народу, подробности по делу обсуждать не следует. Поговорим наедине завтра-послезавтра.

– Но я ничего не помню. Они нашли все это у меня в квартире, и...

– Слушай, молчи! У стен есть уши. И там, наверху, тоже поосторожнее. У полицейских – свои хитрости. Ни с кем не разговаривай. Даже с другими заключенными. Среди них могут быть подставные. Возле тебя непременно окажется кто-нибудь, кто постарается выпытать подробности и потом кому-нибудь их продать. Если хочешь справедливого суда, держи рот на замке.

Миллиган продолжал качать головой, тер щеку и все пытался вернуться к обсуждению дела. Наконец, он пробормотал:

- Скажите, что я не виновен. Возможно, я сумасшедший.
- Посмотрим, – ответил Швайкарт, – только здесь об этом разговаривать нельзя.
- Есть ли адвокат женского пола, которая могла бы взяться за мое дело?
- У нас есть женщина. Посмотрю, чем смогу помочь.

Полицейский повел Миллигана переодеваться в синий комбинезон, униформу тюремных заключенных, и Швайкарт проводил его взглядом. С такими нервными, как этот, работать трудно. Он, по сути, не отрицал вменяемых ему преступлений. Лишь повторял, что ничего не помнит. Одно это казалось странным. Но чтобы «насильник из кампуса» просил о помиловании на основании невменяемости? Швайкарт уже предвидел, как порезвятся газетчики.

Выйдя из тюрьмы, он купил «Коламбус диспэч» и прочел заголовок с первой страницы:

«АРЕСТОВАН ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ В ИЗНАСИЛОВАНИЯХ В КАМПУСЕ»

В статье сообщалось, что одной из жертв, двадцатилетней студентке последнего курса, изнасилованной почти две недели назад, предстоит опознать подозреваемого. Над текстом красовался портрет с подписью «Миллиган». Вернувшись в контору, Швайкарт обзвонил остальные местные газеты с просьбой не публиковать фотографию, поскольку это может повлиять на исход опознания, назначенного на понедельник. Ему отказали, заявив, что если добудут фотографию, ее непременно напечатают. Швайкарт почесал бороду мундштуком курительной трубки, а потом набрал жене, сообщить, что к ужину домой не успеет.

– Привет, – слышалось из двери. – Ты напоминаешь мне медведя, который нашел улей и уже сунул в него нос.

Швайкарт поднял голову и увидел улыбающуюся Джуди Стивенсон.

– Ах, вот как? – прорычал он, повесил телефонную трубку и улыбнулся Джуди в ответ. – Знаешь, кто тебя спрашивал?

Она убрала с лица прядь темных волос, показав родинку на левой щеке. В карих глазах читался вопрос.

Швайкарт придвинул к ней газету, указывая на заголовок и фото, и его басовитый смех заполнил весь небольшой кабинет.

– Опознание назначено на утро понедельника. Миллиган попросил, чтобы его защищала женщина. «Насильник из кампуса» – *твой*.

4

Утром понедельника, 31 октября, без четверти десять Джуди Стивенсон прибыла в полицейское отделение на опознание. Когда Миллигана привели в камеру, она заметила в его лице испуг и отчаяние.

– Я государственный защитник, – представилась Джуди. – Гэри Швайкарт передал вашу просьбу об адвокате-женщине, поэтому мы с ним будем работать над этим делом вместе. Постарайтесь успокоиться. Похоже, вам сейчас плохо станет.

Билли подал ей сложенный листок бумаги.

– Мой надзиратель дал мне в пятницу вот это.

Развернув листок, Джуди увидела, что это «Ордер на содержание под стражей» от ведомства по вопросам условно-досрочного освобождения совершеннолетних преступников, предписывающий тюремное заключение Миллигана и информирующий о том, что предварительное слушание по нарушению условий досрочного освобождения состоится в окружной тюрьме Франклина. Она поняла: поскольку во время ареста в квартире подзащитного было найдено

оружие, досрочное освобождение может быть аннулировано. Поэтому Миллигана немедленно вернут в тюрьму города Лебанон недалеко от Цинциннати и ожидать суда он будет уже там.

– Слушание состоится в среду на следующей неделе. Постараемся оставить вас здесь. Я бы предпочла, чтобы вас не увозили из Коламбуса, чтобы можно было с вами разговаривать.

– Я не хочу в Лебанон.

– Ну, не переживайте.

– Я не помню, как делал все то, что мне предъявляют.

– Поговорим об этом позже. Сейчас вам надо будет выйти вон туда и немного постоять.

Справитесь?

– Наверное.

– Уберите волосы с лица, чтобы его было хорошо видно.

Полицейский отвел Миллигана к остальным, поставил в ряд, на место номер два.

Всего женщин было четверо. Донне Уэст, опознавшей насильника по фотографии, сказали, что она больше не нужна, и она со своим женихом уехала в Кливленд. Синтия Мендоса, кассир из «Крогера», обналичившая один из чеков, Миллигана не опознала. Она выбрала номер три. Женщине, подвергшейся сексуальному нападению в августе при совершенно иных обстоятельствах, показалось, что это был номер два, но она сомневалась. Кэрри Драер заявила, что из-за отсутствия усов она не уверена, но номер два кажется ей знакомым. Полли Ньютон утверждала, что это точно он.

3 ноября суд присяжных предъявил Миллигану обвинение в трех похищениях, трех ограблениях с отягчающими обстоятельствами и четырех изнасилованиях. Все это – особо тяжкие уголовные преступления, за которые полагается срок от четырех до двадцати пяти лет за каждую жертву.

Прокуратура редко занимается распределением адвокатов, даже в случае тяжких убийств. Как правило, глава подразделения уголовных преступлений за две-три недели назначает главного прокурора методом случайного перебора. Но окружной прокурор Джордж Смит выбрал лучших прокуроров, предупредив их, что шумиха вокруг дела «насильника из кампуса» вызывает общественные волнения. Он хотел, чтобы именно они взялись за это дело и были беспощадны.

Тридцатидвухлетний Терри Шерман с черными кудрями и устрашающими английскими усами славился жестокостью к преступникам, совершившим сексуальное нападение, и хвастался тем, что не проиграл еще ни одного дела об изнасиловании. Заглянув в материалы дела, он рассмеялся.

– Дело уже предрешено. Доказательства у нас мощные, а у защиты нет ничего. Он наш.

Бернард Залиг Явич, тридцатипятилетний специалист по уголовному судопроизводству со стороны обвинения, окончил юридический факультет на два года раньше Джуди Стивенсон и Гэри Швайкарта и хорошо их знал. Гэри какое-то время работал при нем судебным делопроизводителем. Явич четыре года сам проработал государственным защитником, прежде чем перейти в прокуратуру. Он, как и Шерман, считал, что дело, скорее всего, простое.

– Скорее всего? – переспросил Шерман. – У нас масса вещественных доказательств, отпечатки пальцев, опознание – все, что только может быть. Говорю тебе, им нечего нам противопоставить.

Несколько дней спустя Шерман беседовал с Джуди и решил объяснить ей все как есть.

– Никакой сделки о признании вины по делу Миллигана не будет. Мы победим и будем добиваться осуждения на максимальный срок. А у вас нет ничего.

Но Берни Явич смотрел глубже. Он в свое время тоже работал государственным защитником и знал, что сделал бы сам, будь он на месте Джуди с Гэри.

– У них есть один вариант – объявить его невменяемым.

Шерман расхохотался.

На следующий день Уильям Миллиган попытался покончить с собой, разбив голову о стену камеры.

– Он так до суда не доживет, – услышав об этом, сказал Гэри Швайкарт напарнице.

– Думаю, что он вообще не в состоянии предстать перед судом, – ответила Джуди. – Полагаю, надо сообщить судье, что, по нашему мнению, этот человек не в состоянии принимать участие в собственной защите.

– Считаешь, надо показать его психиатру?

– Да.

– Господи, представляю себе заголовки в газетах.

– Хрен с ними. С этим парнем что-то не так. Не знаю что, но ты же видел, насколько разным он бывает. И я ему верю, когда он говорит, что не помнит этих изнасилований. Необходимо провести экспертизу.

– А кто ее оплатит?

– Ну, у нас же есть какой-то фонд.

– Да, там прямо миллионы.

– Ладно тебе, психологическое тестирование мы можем себе позволить.

– Скажи об этом судье, – недовольно буркнул Гэри.

Суд согласился дать дополнительное время на психологическую экспертизу, так что Гэри Швайкарт сосредоточился на слушании по поводу условно-досрочного освобождения, назначенного в том же суде в среду, на восемь тридцать утра.

– Меня отправят обратно в Лебанон, – сказал Миллиган.

– Мы постараемся, чтобы этого не случилось, – ответил Гэри.

– У меня в квартире нашли пистолеты. А в условиях по досрочному освобождению было «ни при каких обстоятельствах не приобретать, не владеть смертельным или огнестрельным оружием, не использовать его и не иметь при себе».

– Может, и так, – согласился Гэри. – Но если уж нам тебя защищать, нам было бы удобнее, чтобы ты остался в Коламбусе, а не уехал в Лебанон – это облегчит нам работу.

– И что вы будете делать?

– Предоставь это мне.

Гэри заметил на лице Миллигана улыбку и азарт в глазах, чего не видел никогда ранее. Он расслабился, вел себя непринужденно, шутил, почти как ни в чем не бывало. Этот человек совершенно не был похож на тот комок нервов, который предстал перед ним в первый день знакомства. Может, защищать его права окажется куда легче, чем Гэри подумалось изначально.

– Ну вот, – сказал Швайкарт, – так держать.

Он провел Миллигана в переговорную, где представители ведомства по вопросам условно-досрочного освобождения совершеннолетних преступников уже раздавали копии отчета инспектора Миллигана и показаний сержанта Демпси о том, что в ходе ареста у обвиняемого был найден «Смит-Вессон» 9-го калибра и самозарядный пистолет 25-го калибра с пятью боевыми патронами.

– Господа, скажите, – начал Швайкарт, потирая бороду костяшками пальцев, – проведено ли огневое испытание этого оружия?

– Нет, – ответил председатель, – но это настоящее оружие с боевыми патронами.

– Если нет свидетельства, что оно стреляет, почему мы должны считать это оружием?

– Тестирование будет проведено не ранее следующей недели.

Гэри стукнул ладонью по столу.

– Я настаиваю, что решение об отмене освобождения под честное слово должно приниматься либо сегодня, либо *после* слушания дела в суде. Итак, что это – оружие или игрушка? Вы не доказали мне, что это настоящие пистолеты, – он осмотрел всех собравшихся.

Председатель кивнул.

– Господа, полагаю, нам остается лишь отложить вопрос об отмене освобождения под честное слово, пока экспертиза не подтвердит, что это настоящие пистолеты.

На следующее утро в десять часов пятнадцать минут от инспектора поступило уведомление, что дело о прерывании досрочного освобождения Миллигана будет повторно слушаться 12 декабря 1977 года в тюрьме Лебанона, а также что в присутствии самого Миллигана на слушании необходимости нет.

Джуди отправилась к Миллигану, чтобы обсудить вещественные доказательства, обнаруженные в его квартире.

В его взгляде она заметила отчаяние.

– Вы считаете, что это сделал я, да?

– Билли, мое мнение не в счет. Надо исходить из имеющихся улик. Надо поговорить о том, как ты можешь объяснить наличие всех этих вещей.

Миллиган смотрел на нее стеклянными глазами, он как будто удалялся, снова уходил в себя.

– Это неважно, – сказал он. – Уже ничего не важно.

На следующий день Джуди Стивенсон получила письмо на желтой линованной бумаге для юридических документов:

«Уважаемая мисс Джуди!

Я пишу это письмо, потому что иногда мне не удается выразить свои чувства, а мне очень важно, чтобы вы меня поняли.

Во-первых, я хотел бы поблагодарить вас за все, что вы для меня сделали. Вы милая добрая женщина и старались как могли. Большого я просить не смею.

Теперь вы можете с чистой совестью забыть обо мне. Скажите начальству, что *никакие* адвокаты мне не нужны. Мне не нужен никто.

Если уж *вы* считаете, что я виноват, значит, так и есть. Все, что я хотел знать, подтвердилось. Я всю свою жизнь только тем и занимался, что причинял страдания и боль тем, кого люблю. Самое страшное – то, что я и не перестану это делать, потому что не могу. Если меня запрут в тюрьме, я стану только хуже, как вышло после прошлого раза. Психиатры тоже помочь не могут, потому что не понимают, что со мной.

Мне придется остановиться самому. Я сдаюсь. Да мне уже все равно. Можно попросить вас о последнем одолжении? Позвоните маме или Кэти и скажите, чтобы больше ко мне не приходили. Я не хочу их видеть, так что пусть не расходуют зря бензин. Но я их люблю и мне стыдно. Вы – самый лучший адвокат из тех, что я встречал, и я никогда не забуду вашей доброты. До свидания,

Билли».

В тот же вечер Швайкарту позвонил дежурный.

– Ваш клиент снова пытался покончить с собой.

– Господи! Что он сделал?

– Знаете, вы не поверите, но нам придется выдвинуть против него обвинения в порче государственного имущества. Он разбил унитаз в своей камере и острым куском порезал вены.

– Черт!

– И вот что еще. Станный он у вас какой-то. Ему удалось разбить унитаз кулаком.

5

Швайкарт и Стивенсон проигнорировали письмо Миллигана, в котором тот отказывался от их услуг, и стали ежедневно посещать его в тюрьме. Их организация выделила средства на психологическую экспертизу, и 8 января 1978 года доктор Уиллис С. Дрискол, психолог-клинист, провел серию тестов.

Проверка умственного развития показала коэффициент интеллекта 68, но, по словам Дрискола, показатель снижен из-за депрессии. Он диагностировал острую шизофрению.

«Миллиган испытывает сильный кризис идентичности, то есть слабо осознает границы своего “я”. Он утратил способность оценивать расстояние, видеть разницу между собой и окружением, что характерно для шизофрении... Ему слышатся голоса, приказывающие ему, что делать, а в случае неподчинения кричат на него. Миллиган считает, что голоса эти принадлежат людям, пришедшим из ада, чтобы его мучить. Помимо этого, он упоминает и хороших людей, временами вселяющихся в его тело, чтобы сразиться с плохими... По моему мнению, мистер Миллиган в настоящий момент неспособен защищать собственные интересы. Он не находится в достаточном контакте с реальностью, чтобы осознавать происходящее с ним. Я настоятельно рекомендую поместить его в больницу для дальнейшего исследования и по возможности лечения».

Первое сражение в рамках закона состоялось 19 января, когда Стивенсон и Швайкарт предоставили данное заключение судье Джею С. Флауэрсу как свидетельство того, что их клиент не может выступить в собственную защиту. Флауэрс ответил, что выдаст ордер, чтобы подзащитного обследовал отдел судебной психиатрии Юго-западного центра психического здоровья Коламбуса. Такое решение обеспокоило Гэри с Джуди, поскольку этот центр обычно вставал на сторону обвинения.

Гэри настаивал, чтобы любое решение Юго-западного центра не подлежало огласке и ни при каких обстоятельствах не использовалось против его клиента. Шерман и Явич выразили несогласие. Тогда адвокаты Миллигана пригрозили, что запретят ему разговаривать с психологами и психиатрами этого центра. Судья Флауэрс чуть не обвинил их в проявлении неуважения.

Компромисс был достигнут, когда обвинение согласилось, что они смогут расспрашивать подсудимого о фактах, которые станут известны в беседах с назначенными судом психологами, только в случае, если Миллиган окажется в состоянии защищать собственные интересы. Хотя бы частичная победа. Защита согласилась рискнуть и позволить специалистам в области судебной психиатрии из Юго-западного центра побеседовать с Миллиганом на таких условиях.

– Неплохой ход, – со смехом прокомментировал Шерман, когда они выходили из кабинета судьи. – Демонстрирует ваше отчаяние. Но это все равно бесполезно. Я все еще не сомневаюсь, что это дело решенное.

В целях предотвращения дальнейших попыток самоубийства Миллигана перевели в одиночный изолятор и надели на него смирительную рубашку. Через несколько часов врач Расс Хилл отправился оценить состояние пациента, и его взгляду предстало невероятное зрелище. Хилл подозвал сержанта Уиллиса, работавшего в смену с трех до одиннадцати часов, и показал за решетку. У Уиллиса отвисла челюсть: Миллиган снял смирительную рубашку, положил ее под голову и заснул.

Глава вторая

1

Первое собеседование с представителем Юго-западного центра было назначено на 31 января 1978 года. Когда сержант Уиллис ввел Миллигана в кабинет, Дороти Тернер, хрупкая и добрая женщина-психолог с робким, чуть ли не запуганным взглядом подняла на них голову.

Перед ней предстал молодой человек приятной наружности, ростом метр восемьдесят три сантиметра, в синем джемпере. У него были окладистые усы и длинные бакенбарды, но в глазах читался какой-то детский страх. Он как будто удивился, увидев ее, но, сев на стул напротив, начал улыбаться и положил руки на колени.

– Мистер Миллиган, – начала она, – меня зовут Дороти Тернер, я работаю в Юго-западном центре психического здоровья и хочу задать вам несколько вопросов. Где вы в данный момент проживаете?

Миллиган осмотрелся.

– Здесь.

– Назовите свой номер социального страхования.

Он нахмурился, глубоко задумался, долгим взглядом изучал то пол, то желтые стены, то стоявшую на столе пепельницу, сделанную из жестяной банки. Потом начал грызть ноготь и рассматривать кутикулу.

– Мистер Миллиган, – снова заговорила Дороти, – я смогу вам помочь, только если вы пойдете мне навстречу. Прошу вас отвечать на мои вопросы, чтобы я могла понять, что происходит. Какой у вас номер социального страхования?

Он пожал плечами.

– Не знаю.

Она посмотрела в записи и зачитала номер.

Он покачал головой.

– Это не мой номер. Кажется, Билли.

Женщина пристально посмотрела на него.

– А вы разве не Билли?

– Нет, – ответил он, – это не я.

Она нахмурилась.

– Подождите-ка. Если вы не Билли, то кто же?

– Я Дэвид.

– А где же Билли?

– Билли спит.

– Где он спит?

Он указал на свою грудь.

– Там. Спит.

Дороти Тернер вздохнула, постаралась взять себя в руки и терпеливо кивнула.

– Мне надо поговорить с Билли.

– *Артур* не разрешит. Билли спит. Артур не станет его будить, потому что иначе Билли покончит с собой.

Дороти довольно долго смотрела на него, не зная, что делать дальше. Миллиган говорил и выглядел как ребенок.

– Погодите. Объясните.

– Не могу. Я допустил ошибку. Мне нельзя было этого говорить.

– Почему?
– Получу от остальных. – В детском голосе зазвучал ужас.
– Тебя зовут Дэвид?
Он кивнул.
– А «остальные» – кто это?
– Не могу сказать.
Психолог принялась тихонько постукивать по столу.
– Дэвид, ты должен мне рассказать, чтобы я могла тебе помочь.
– Не могу. Они на меня сильно разозлятся и больше не выпустят.
– Но кому-то же ты обязан сказать. Тебе ведь очень страшно, да?
– Да. – В глазах у него уже стояли слезы.
– Дэвид, ты должен мне доверять. И объяснить, что происходит, чтобы я могла помочь.
Он надолго задумался и наконец пожал плечами.
– Ну ладно, но на одном условии. Обещайте, что никому и никогда не расскажете эту тайну. Никому на свете. И ни за что.
– Да, – согласилась Дороти Тернер, – обещаю.
– Никогда в жизни?
Дороти кивнула.
– Поклянись.
– Клянусь.
– Хорошо. Скажу. Но всего я не знаю. Знает только Артур. Как вы и сказали, мне страшно, потому что в большинстве случаев я не понимаю, что творится.
– Дэвид, сколько тебе лет?
– Восемь, но скоро девять.
– А почему ты пришел ко мне на встречу?
– Я даже не знал, что буду в пятне. В тюрьме кто-то пострадал, и я вышел забрать боль.
– Ты не мог бы это пояснить?
– Артур говорит, что я хранитель боли. Когда становится больно, я встаю в пятно и беру ее на себя.
– Это же ужасно.
Он кивнул, сдерживая готовые пролиться слезы.
– Это нечестно.
– Дэвид, а что это за «пятно»?
– Это Артур его так называет. Он нам объяснил, что делать, когда кому-то надо выходить. Это большое пятно света, как от прожектора. Все стоят вокруг, смотрят или спят у себя в кровати. А кто встает в пятно, идет в мир. Как говорит Артур: «Кто в пятне, тот и в сознании».
– А кто там еще?
– Их много. Я всех не знаю. Сейчас с некоторыми уже знаком, но не со всеми. Ой! – Он резко глотнул воздух.
– Что такое?
– Я назвал Артура по имени. Теперь точно будет плохо, потому что я не сохранил тайну.
– Дэвид, ничего страшного. Я же пообещала, что никому не расскажу.
Миллиган съехался в кресле.
– Не могу больше говорить. Мне страшно.
– Ладно, Дэвид. На сегодня хватит, я вернусь завтра и побеседуем еще.
Выйдя из здания тюрьмы, психолог остановилась и плотно запахнула пальто – дул холодный ветер. Дороти готовилась к встрече с молодым преступником, который, вероятно, пытается выдать себя за сумасшедшего, чтобы избежать наказания. Подобного же она не ожидала.

2

Когда на следующий день Миллиган вошел в переговорную, Дороти Тернер заметила, что он выглядит как-то иначе. Он не смотрел в глаза, сел, подтянул к груди колени и принялся играть своей обувью. Дороти спросила, как он себя чувствует.

Поначалу Миллиган не отвечал, просто осматривался, время от время бросая на нее взгляды, будто не узнавая. Потом покачал головой и наконец заговорил – снова как мальчишка. Но из кокни.

– Ну и шум тут, – сказал он. – Шум и гам. И вы. Не понимаю, что творится.

– Дэвид, у тебя изменился голос. Это какой-то акцент?

Он проказливо уставился на нее.

– Да я не Дэвид. Я *Кристофер*.

– А где же Дэвид?

– Плохо себя вел.

– В каком смысле?

– Да остальные жуть как на него разозлились, что все растрепал.

– Ты не мог бы объяснить?

– Не мог. Мне не надо проблем по типу как у Дэвида.

– Ну а почему у него проблемы? – спросила психолог, наморщив лоб.

– Потому что растрепал.

– Что?

– Да ну. Тайну растрепал.

– Кристофер, может, тогда хотя бы о себе расскажешь? Сколько тебе лет?

– Тринадцать.

– А чем любишь заниматься?

– Немного стучу на барабанах, но на губной гармошке лучше выходит.

– Откуда ты?

– Из Англии.

– А братья или сестры у тебя есть?

– Одна Кристина. Ей три года.

Дороти пристально смотрела в лицо мальчика, говорившего на выраженном кокни. Он казался открытым, искренним и счастливым, полная противоположность человеку, с которым она разговаривала лишь день назад. Должно быть, Миллиган – хороший актер.

3

4 февраля, когда Дороти Тернер пришла к Миллигану в третий раз, она заметила, что вошедший в кабинет мужчина держится совершенно иначе. Он небрежно плюхнулся на стул, откинулся на спинку, надменно посмотрел на нее.

– Ты как? – поинтересовалась она, буквально опасаясь того, что может услышать в ответ.

Он пожал плечами.

– Да ничо.

– А как Дэвид с Кристофером?

Он хмуро уставился на нее.

– Дамочка, я вас даже не знаю.

– Я тут – чтобы тебе помочь. Нам надо обсудить то, что происходит.

– Блин, да я и не в курсе, что происходит.

– Мы с тобой позавчера разговаривали, забыл?

- Нет, что за хрень. Я вас впервые в жизни вижу.
- А как тебя зовут?
- Томми.
- А фамилия?
- Да просто Томми.
- Сколько тебе лет?
- Шестнадцать.
- Не мог бы ты рассказать мне немного о себе?
- Дамочка, я с незнакомцами не разговариваю. Так что отстаньте.

В последующие пятнадцать минут она пыталась его разговорить, но «Томми» все так же упрямился. Выйдя из тюрьмы, Дороти Тернер какое-то время так и стояла на Фронт-стрит, совершенно ничего не понимая, думая о «Кристофере» и о том, как пообещала «Дэвиду» хранить его тайну. Она испытывала противоречивые чувства: с одной стороны, она обещала, а с другой – необходимо сообщить об этом адвокатам Миллигана. Через какое-то время она позвонила в их офис и спросила Джуди Стивенсон.

– Слушайте, – начала она, когда Стивенсон подошла к телефону, – сейчас я всего сказать не могу, но если не читали «Сибил»⁵, то найдите и ознакомьтесь.

Джуди Стивенсон удивил этот звонок, она приобрела указанную книгу и в тот же вечер взялась за чтение. Поняв, о чем речь, она легла в постель и уставилась в потолок, думая при этом нечто вроде: «Да бросьте! Множественная личность? На это Тернер намекала?» Адвокат попыталась представить себе Миллигана, которого трясло от страха перед опознанием, вспомнила другие моменты, когда тот превращался в разговорчивого манипулятора, шутил, острил. Джуди всегда списывала эти перемены на депрессию. Потом ей вспомнился рассказ сержанта Уиллиса о персонаже, способном снять любую смиренную рубашку, замечания врача Расса Хилла, что временами Билли демонстрировал нечеловеческую силу. В голове зазвучали и слова самого Миллигана: *«Не помню того, в чем меня обвиняют. Ничего не знаю»*.

Ей пришло в голову разбудить мужа и обсудить это с ним, но она уже знала, что скажет Эл. Знала, что ответит любой, если она попытается рассказать то, о чем думает. За три года работы государственным защитником Джуди еще ни разу не сталкивалась с подобным случаем. Она решила пока ничего не говорить даже Гэри. Следует сначала самой убедиться.

На следующее утро Стивенсон позвонила Дороти Тернер.

– Знаете, Миллиган, с которым я познакомилась несколько недель назад и периодически общалась лично, временами вел себя действительно странно. Я замечала перепады настроения. Он человек темпераментный. Но эта разница была не настолько глобальной, чтобы увидеть у него такое же заболевание, как у Сибил.

– Меня уже несколько дней мучает один вопрос, – ответила Тернер. – Я дала обещание хранить тайну и придерживалась его. Я лишь посоветовала вам прочесть книгу. Но я попробую уговорить Миллигана согласиться, чтобы я вам все рассказала.

Джуди старалась не забывать того, что общается с психологом из Юго-западного центра, который наверняка будет на стороне обвинения.

– Вам все карты в руки. Говорите, что делать.

На четвертой встрече Дороти Тернер увидела перепуганного мальчика, который в первый день назвался Дэвидом.

⁵ Книга психоаналитика Корнелии Уилбур о лечении ее пациентки с расстройством множественной личности Сибиллы Дорсет (1973).

– Я помню о своем обещании никому ничего не рассказывать, – сказала она, – но все же надо поговорить об этом с Джуди Стивенсон.

– Нет! – закричал он, вскочив на ноги. – Вы обещали! Если вы ей скажете, мисс Джуди меня разлюбит.

– Не разлюбит. Она тебя защищает, и ей надо все знать, чтобы тебе помочь.

– Вы дали слово. Если нарушите, это все равно что ложь. Нельзя. Я влип в неприятности. Артур и Рейджен очень злятся, что я проболтался, и...

– А кто такой Рейджен?

– Вы поклялись. Клятва – это самое важное на свете.

– Дэвид, неужели ты не понимаешь? Если не сказать Джуди, она не сможет тебя спасти. Возможно, ты надолго попадешь в тюрьму.

– Все равно. Вы обещали.

– Но...

Психолог заметила, что глаза у Миллигана стали как стеклянные и забегали, словно он разговаривал сам с собой. Потом Миллиган распрямил спину, сложил кончики пальцев и посмотрел Дороти в глаза.

– Мадам, вы не имеете права, – сказал он отчетливо, как английский аристократ, едва двигая при этом челюстями, – нарушать данное парнишке обещание.

– Мы, кажется, раньше не встречались. – Психолог схватилась за ручки кресла, отчаянно пытаясь скрыть удивление.

– Он обо мне рассказывал.

– Вы Артур?

Он едва заметно кивнул.

Дороти Тернер глубоко вздохнула.

– Итак, Артур, крайне важно рассказать адвокатам о том, что происходит.

– Нет, они вам не поверят.

– Может, проверим? Я приглашу на встречу Джуди Стивенсон и...

– Нет.

– Возможно, она сможет спасти вас от тюрьмы. Я просто обязана...

Он подался вперед и с презрением уставился на нее.

– Мисс Тернер, вот что я вам скажу. Если вы кого-нибудь приведете, остальные будут молчать и вы окажетесь в дураках.

После пятнадцати минут спора с Артуром она опять поймала стеклянный взгляд. Миллиган откинулся на спинку стула. А когда снова подался вперед, голос был уже другой, а лицо стало спокойным и дружелюбным.

– Нельзя рассказывать, – повторил он. – Вы дали обещание, а это священо.

– А с кем я сейчас разговариваю? – шепотом спросила она.

– Я Аллен. Это я по большей части выхожу к Джуди и Гэри.

– Но они-то знают лишь Билли Миллигана.

– Мы все откликаемся на это имя, чтобы не выдать себя. Но Билли спит. Уже давно. Послушайте, миссис Тернер... можно на «ты»? Мать Билли тоже зовут Дороти.

– Ты говоришь, что с Джуди и Гэри в основном общаешься *ты*. А кого еще они видели?

– Ну, они ничего не поняли, поскольку Томми на меня очень похож. Ты с ним тоже общалась. Это он снимает смиренную рубашку и наручники. Мы с Томми почти одинаковые, но разговариваю в основном я. А он резкий и язвительный. Не умеет ладить с людьми, в отличие от меня.

– А с кем еще они общались?

Он пожал плечами.

– На первой встрече с Гэри был Дэнни. Он ничего не понял и боялся. Мальчишка не особо ориентируется в происходящем. Ему всего четырнадцать.

– А тебе?

– Восемнадцать.

Дороти вздохнула и покачала головой.

– Ладно... *Аллен*. Ты производишь впечатление умного молодого человека. И наверняка понимаешь, что мне лучше не держать данного обещания. Надо сказать обо всем Джуди с Гэри, чтобы они могли полноценно тебя защищать.

– Артур с Рейдженем против. Говорят, люди будут думать, что мы сошли с ума.

– Но у тебя же появятся шансы избежать тюрьмы – разве оно того не стоит?

Он покачал головой.

– Не мне решать. Мы всю жизнь храним этот секрет.

– А кто может решить?

– Ну, по сути, все. Артур главный, но это наша общая тайна. Тебе Дэвид рассказал, но больше никто не должен узнать.

Дороти попыталась объяснить, что ее задача как психолога заключается в том, чтобы поставить адвокатов в известность, но Аллен еще раз подчеркнул, что нет никаких гарантий, что это признание поможет, а если об этом раструбят в газетах, его жизнь в тюрьме будет просто невыносимой.

Потом вышел маленький Дэвид, которого психолог узнала по поведению, и начал умолять ее не нарушать данного обещания.

Она попросила снова позвать Артура, и он появился.

– Ну вы и настойчивая, – недовольно сказал он.

Дороти не сдавалась, и наконец у нее появилось ощущение, что она может его переубедить.

– Я не люблю спорить с леди, – сказал Артур и со вздохом откинулся на спинку стула. – Если вам кажется, что это совершенно необходимо, и если согласятся остальные, я дам разрешение – от *своего лица*. Но вы должны получить согласие каждого.

Несколько часов ушло на то, чтобы разъяснить ситуацию всем личностям. Они выходили по очереди, и каждая смена роли была просто изумительной. На пятый день Дороти встрети-лась с Томми, который ковырял в носу.

– Значит, ты понимаешь, что мне придется рассказать все это мисс Джуди.

– Дамочка, мне плевать, делайте что хотите. Только отстаньте от меня.

– Поклянитесь, что никому на целом свете, кроме Джуди, не скажете. И она должна пообещать, что не скажет никому, – потребовал Аллен.

– Я согласна, – ответила психолог. – Вы не пожалеете.

В тот же день после посещения тюрьмы Дороти сразу же поехала в адвокатскую контору. Она рассказала Джуди Стивенсон об условиях, выставленных Миллиганом.

– Что, даже Гэри Швайкарту сказать нельзя?

– Мне пришлось это пообещать. Повезло, что он хоть вас разрешил посвятить.

– Мне не особо верится, – призналась Джуди.

Тернер кивнула.

– Это хорошо. Я поначалу тоже отнеслась скептически. Но клянусь, вы удивитесь, встре-тившись со своим клиентом.

4

Когда сержант Уиллис ввел Миллигана в переговорную, Джуди Стивенсон заметила, что он держится скованно, словно стеснительный подросток. Билли, похоже, боялся полицейского,

словно видел его впервые, но бросился к столу и сел рядом с Дороти Тернер. Потом отказывался говорить до тех пор, пока не уйдет Уиллис. И постоянно тер запястья.

Тернер начала:

– Скажешь Джуди Стивенсон, кто ты такой?

Он вжался в стул и покачал головой, глядя на дверь, проверяя, действительно ли ушел полицейский.

– Джуди, – наконец сказала Тернер, – это Дэнни. Я его уже довольно хорошо знаю.

– Привет, Дэнни. – Стивенсон изо всех сил старалась скрыть, насколько ее ошеломила перемена в голосе и лице подзащитного.

Он поднял взгляд на Тернер и прошептал:

– Ну вот видите? Она смотрит на меня как на ненормального.

– Нет, – ответила Джуди. – Я просто удивлена. Ситуация очень необычная. Дэнни, тебе сколько лет?

Он снова потер запястья, словно с них недавно сняли веревку и теперь он пытается восстановить кровообращение. Но ничего не ответил.

– Дэнни четырнадцать, – сказала Тернер. – Он художник.

– Что ты рисуешь? – поинтересовалась Стивенсон.

– В основном натюрморты, – ответил Дэнни.

– Полицейские нашли в квартире пейзажи, они тоже твои?

– Нет, пейзажи я не пишу. Не люблю землю.

– Почему?

– Не скажу, не то он меня убьет.

– Кто тебя убьет?

Джуди сама удивилась, что задает столько вопросов, ведь она во все это не верила и не собиралась попадаться на удочку, но все же его блестящая игра – за которую она это принимала – ее впечатлила.

Миллиган закрыл глаза, и по щекам потекли слезы.

Происходящее все больше выбивало Джуди из колеи, она пристально смотрела на юношу, а он словно уходил в себя. Губы беззвучно шевелились, взгляд стал стеклянным, зрачки двигались из стороны в сторону. Потом Миллиган осмотрелся, напугался, затем узнал женщин, место, где находится. Он откинулся на спинку, достал из правого носка сигарету, не вынимая всю пачку.

– Огонька не найдется?

Джуди дала ему прикурить. Он глубоко затянулся и выпустил к потолку облако дыма.

– Ну, привет, – поздоровался он.

– Расскажешь Джуди Стивенсон, кто ты такой?

Он кивнул, выдувая кольцо дыма.

– Аллен.

– Мы встречались? – спросила Джуди, надеясь, что он не уловит дрожь в ее голосе.

– Я пару раз показывался, когда вы с Гэри приходили поговорить насчет моего дела.

– Но мы разговаривали с Билли Миллиганом.

Он пожал плечами.

– Мы все отзываемся на «Билли». Так ничего объяснять не приходится. Но я ни разу не утверждал, что я – Билли. Это вы так решили, а я не видел смысла спорить.

– А можно поговорить с ним? – поинтересовалась Джуди.

– Ну нет. Его не будят. Если его пустить в пятно, он покончит с собой.

– Почему?

– Он еще боится, что его обидят. И про остальных не знает. Он лишь заметил, что теряет время.

– В каком смысле? – переспросила Джуди.

– Это со всеми из нас происходит. Ты где-нибудь что-нибудь делаешь. А потом вдруг оказываешься в другом месте, понимаешь, что время прошло, но не знаешь, что было.

Джуди покачала головой.

– Ужас.

– Да, привыкнуть к этому не удастся, – согласился Аллен.

Когда за Миллиганом вернулся сержант Уиллис, Аллен ему улыбнулся.

– Это сержант Уиллис, – сообщил он женщинам. – Приятный парень.

Стивенсон и Тернер вышли из тюрьмы вместе.

– Понимаете, почему я вас пригласила... – начала Дороти.

Стивенсон вздохнула.

– Я шла сюда с уверенностью, что распознаю обман. Но я верю, что говорила с двумя разными людьми. И теперь понимаю, почему он порой кажется таким переменчивым. Раньше я списывала это на перепады настроения. Надо рассказать Гэри.

– Я едва добилась разрешения рассказать это вам. Не думаю, что Миллиган это дозволит.

– Но он обязан, – возразила Джуди. – Хранить это в тайне – слишком тяжелая для меня ноша.

После посещения тюрьмы мысли у Джуди путались: в них были и трепет, и страх, и непонимание. Невероятно. Нереально. Но в то же время она понимала, что в глубине души начинает в это верить.

Через несколько часов ей домой позвонил Гэри и сказал, что шериф сообщил ему об очередной попытке Миллигана покончить с собой – он опять хотел разбить голову о стену.

– Что интересно, – добавил Гэри, – я смотрел его досье и вдруг понял, что именно сегодня, 14 февраля, ему исполняется двадцать три года. И знаешь, кое-что еще... сегодня же день святого Валентина.

5

На следующий день Дороти с Джуди сказали Аллену, что очень важно посвятить в тайну и Гэри Швайкарта.

– Ни в коем случае.

– Это необходимо, – настаивала Джуди. – Надо рассказать и другим, чтобы мы могли спасти тебя от тюрьмы.

– Вы обещали. Таков был уговор.

– Помню, – не сдавалась Джуди. – Но это крайне важно.

– Артур не согласен.

– Позволь нам поговорить с ним, – попросила Дороти.

Вышел Артур и сердито посмотрел на них обеих.

– Меня это уже утомляет. Мне надо много думать и учиться, я устал от ваших приставаний.

– Но вы должны дать нам разрешение рассказать обо всем Гэри, – снова сказала Джуди.

– Ни за что. Вас двоих уже слишком много.

– Это просто необходимо для того, чтобы помочь вам, – добавила Тернер.

– Мадам, мне *не нужна* помощь. Дэнни с Дэвидом, может, и да, но меня это не беспокоит.

– Неужели вы не заинтересованы в том, чтобы Билли жил? – Джуди уже начинало злить, что Артур смотрит на нее свысока.

– Да, – ответил он, – но какой ценой? Они скажут, что мы сошли с ума. Все и так уже выходит из-под контроля. Мы заботимся о том, чтобы Билли жил, с того самого дня, когда он попытался спрыгнуть с крыши в школе.

– Что это значит? – переспросила Тернер. – Что вы для этого делаете?

– Не даем ему проснуться.

– Неужели вы не осознаете значимость этого шага? – продолжала Джуди. – От этого зависит, что его ждет: тюрьма или свобода. Разве вам не будет удобнее думать и учиться не в тюремных стенах? Или вы хотите вернуться в Лебанон?

Артур скрестил ноги и принялся переводить взгляд с Джуди на Дороти и обратно.

– Не люблю спорить с леди. Я соглашусь, но только на том же условии, что и раньше – надо уговорить и остальных.

Три дня спустя Джуди добилась разрешения рассказать все Гэри Швайкарту.

Холодным февральским утром она вышла из тюрьмы и направилась в контору. Налила себе чашку кофе, вошла в захламленный кабинет Гэри, села и собралась с духом.

– Так, – начала она, – вели ни с кем тебя не соединять. Мне надо рассказать тебе кое-что насчет Билли.

Когда рассказ о встречах с Дороти Тернер и Миллиганом был закончен, Гэри смотрел на Джуди Стивенсон как на дуру.

– Я своими глазами видела, – не сдавалась она. – Я с ними разговаривала.

Гэри приподнялся из-за стола и тут же неуклюже свалился обратно; его нечесанные волосы доставали до воротничка, а мешковатая рубаша почти полностью выбилась из-под ремня.

– Да ладно, – возразил Швайкарт, – быть такого не может. Ну, я понимаю, что он ненормальный, и я на твоей стороне. Но из этого ничего не выйдет.

– Сходи посмотри сам. Ты просто не представляешь... Я абсолютно уверена.

– Ладно. Но знаешь что: я в это не верю. И прокурор не поверит. И судья не поверит. Джуди, в тебе я не сомневаюсь. Ты – отличный адвокат, прекрасно разбираешься в людях. Но это брехня. Думаю, он пытается тебя надуть.

На следующий день Гэри отправился вместе с Джуди к трем часам в тюрьму Франклина, рассчитывая не более чем на получасовую встречу. Он заранее отверг возможность того, что рассказанное может быть правдой. Это казалось просто нереальным. Но по мере общения с разными личностями скепсис сменился любопытством. На его глазах перепуганный Дэвид превратился в робкого Дэнни, который даже помнил, как они встретились в тот день, когда Миллигана только посадили в эту тюрьму.

– Когда они ворвались в квартиру и арестовали меня, я вообще не понял, что происходит, – сказал Дэнни.

– А что заставило тебя рассказать о бомбе?

– Я не говорил, что это бомба.

– Ты предупредил полицейского, что она «взорвется».

– Ну, это Томми всегда говорит: «Мои вещи не трогай, могут взорваться».

– Почему?

– У него спросите. Он разбирается в электронике, всегда возится с проводами и прочей такой фигней. Он любитель.

Швайкарт несколько раз потянул себя за бороду.

– Умелец снимать наручники и специалист в электронике. А можно поговорить с этим «Томми»?

– Не знаю. Томми разговаривает только с теми, с кем сам захочет.

– Ты можешь его вызвать? – попросила Джуди.

– Это так *не делается*. Оно само происходит. Попросить, наверное, могу.

– Попробуй, – сказал Швайкарт, сдерживая улыбку. – Постарайся.

Миллиган как будто ушел в собственное тело. Лицо побледнело, он стал смотреть будто внутрь себя. Губы шевелились, словно он разговаривал сам с собой, и казалось, что сосредоточенность охватила всю комнатку. Швайкарт не только прекратил ухмыляться, но и едва

не перестал дышать. Глаза Миллигана забежали из стороны в сторону. Потом он осмотрелся, словно только что очнулся от глубокого сна, коснулся рукой правой щеки, словно проверяя реальность собственного существования. А потом надменно откинулся на спинку стула и зло уставился на адвокатов.

Гэри ахнул. Он был явно впечатлен.

– Ты Томми? – поинтересовался он.

– А кто спрашивает?

– Я твой адвокат.

– Не *мой*.

– Я буду помогать Джуди Стивенсон в том, чтобы защитить тебя от тюрьмы, кем бы ты ни был.

– Фигня. Мне не надо, чтобы кто-то меня от чего-то защищал. Меня ни одна тюрьма в мире не удержит. Захочу – тут же сбегу.

Гэри строго посмотрел на него, приведя в смущение.

– Так это ты снимаешь смирительную рубашку. Значит, Томми.

Парню все это как будто надоело.

– Ну да... ну да.

– Дэнни рассказал нам о коробке с электронной начинкой, которую в вашей квартире нашли полицейские. Он сказал, что она твоя.

– Он всегда слишком много болтал.

– Зачем ты сделал муляж бомбы?

– Какой, на хрен, муляж бомбы? Если копы такие тупые, что черный ящик не узнают, я тут не при делах.

– Что?

– Да что слышали. Это черный ящик, экспериментировал, пытался сделать систему получше, чем у телефонных компаний. Хотел новый телефон для машины. Я обмотал цилиндры красной изолентой, а тупые копы решили, что это бомба.

– Ты же сказал Дэнни, что он может взорваться.

– Да бог ты мой! Я малышне это всегда говорю, чтобы не трогали мои вещи.

– Томми, а где ты этому научился? – поинтересовалась Джуди.

Он пожал плечами.

– Как-то сам. По книжкам. Сколько себя помню, я пытался понять, как все работает.

– А снимать наручники?

– Это Артур мне подкинул идею. Кто-то же должен был выпутываться из веревки, когда нас связывали и бросали в сарае. Я научился управлять мышцами рук и суставами. Потом и замками всякими увлекся.

Швайкарт на миг задумался.

– А пистолеты тоже твои?

Томми покачал головой.

– Оружием разрешено владеть только Рейджену.

– Разрешено? Кто это разрешает? – спросила Джуди.

– Зависит от ситуации... Слушайте, я уже устал, что вы из меня все вытягиваете. Этим Артур должен заниматься, ну, или Аллен. У них спрашивайте, ладно? Я пошел.

– Подожди...

Но Джуди уже не успела. Взгляд подернулся, поза сменилась. Миллиган сложил кончики пальцев пирамидкой. Потом поднял подбородок, выражение лица стало другим. Джуди узнала Артура и представила его Гэри.

– Прошу простить Томми, – холодно сказал он. – Довольно неприятный парень. Не разбирайся он так хорошо в электронике и замках, я бы давно его изгнал. Но его способности полезны.

– А вы что умеете? – поинтересовался Гэри.

Артур недовольно махнул рукой.

– Я только на любительском уровне. Потихоньку занимаюсь биологией и медициной.

– Гэри спрашивал у Томми о пистолетах, – сказала Джуди. – Вы же знаете, что хранение оружия нарушает условия вашего досрочного освобождения.

Артур кивнул.

– Владеть оружием разрешается только Рейджену, нашему хранителю ненависти. Он на этом специализируется. Но и он может применять его только в целях защиты, для выживания. Точно так же и свою огромную силу он может использовать лишь на всеобщее благо и ни в коем случае не для того, чтобы вредить другим. Понимаете, он умеет концентрировать адреналин и управлять им.

– В ходе похищений и изнасилования тех четырех женщин он воспользовался оружием, – сообщил Гэри.

Голос Артура стал ледяным.

– Рейджен никого не насиловал. Я разговаривал с ним об этом деле. Да, он начал воровать, поскольку беспокоился из-за неоплаченных счетов. Он признает, что ограбил в октябре трех женщин, но категорически отрицает, что знаком с этой августовской девушкой и что в его преступлениях были действия сексуального характера.

Гэри подался вперед, пристально вглядываясь в лицо Артура и замечая, как тает его скептический настрой.

– Но есть доказательства...

– Плевал я на доказательства! Раз Рейджен говорит, что не делал этого, нет смысла подвергать его слова сомнению. Он врать не будет. Рейджен – вор, но не насильник.

– Вы сказали, что разговаривали с ним, – начала Джуди. – Как это происходит? Вы общаетесь друг с другом вслух или в голове? Словами или мыслями?

Артур сложил ладони.

– Бывает и так и так. Иногда внутри, и, вероятнее всего, никто этого даже не замечает. В других обстоятельствах, как правило, когда мы одни, разумеется, вслух. Если бы нас кто-то за этим застал, подумали бы, что мы совсем чокнутые, только представьте себе.

Гэри откинулся на спинку стула, достал платок и вытер пот со лба.

– Кто в это поверит?

Артур снисходительно улыбнулся.

– Как я уже сказал, Рейджен, да и все мы, никогда не врёт. А нас всю жизнь обвиняли во лжи. Так что для нас дело чести – никогда и ни в чем не обманывать. И нам нет дела до того, кто нам верит.

– Но вы не всегда сами вызываетесь рассказывать правду, – отметила Джуди.

– А это называется «ложь умолчанием», – добавил Гэри.

– Ой, да ладно, – Артур и не пытался скрыть своего презрения. – Вы адвокаты и прекрасно знаете, что в ходе дачи свидетельских показаний человек не обязан рассказывать то, о чем его не спросили. Вы сами первые рекомендуете клиенту отвечать только «да» или «нет», вдаваясь в подробности только тогда, когда это в его интересах. Если вы зададите кому-то из нас прямой вопрос, в ответ получите либо правду, либо молчание. Разумеется, в некоторых случаях правда бывает неоднозначна. Английский язык по природе своей расплывчат.

Гэри задумчиво кивнул.

– Буду иметь это в виду. Но мы, кажется, ушли от темы. По поводу пистолетов...

– Рейджен лучше всех знает, что произошло в те дни, когда были совершены *три* октябрьских преступления. Может, вам лучше поговорить с ним?

– Не сейчас, – ответил Гэри, – лучше попозже.

– Кажется, вы боитесь встречи с ним.

Гэри пристально посмотрел на него.

– А вы не этого добивались своим рассказом о том, какой он злой и опасный?

– Я не называл его злым.

– Ну, а впечатление сложилось такое, – сказал Гэри.

– Я считаю важным, чтобы вы познакомились с Рейдженем, – возразил Артур. – Вы открыли ящик Пандоры. Думаю, стоит уж откинуть крышку до конца. Но он выйдет только по вашему желанию.

– А он хочет с нами разговаривать? – поинтересовалась Джуди.

– Нет, вопрос в том, хотите ли вы разговаривать с ним.

Гэри понимал, что такая перспектива его действительно пугала.

– Думаю, это необходимо, – ответила Джуди, глядя на Гэри.

– Он ничего плохого вам не сделает, – заверил Артур с натянутой улыбкой. – Рейджен знает, что вы хотите помочь Билли. Мы это обсуждали и решили, что раз уж наша тайна раскрыта, то нам лучше быть с вами откровенными. Как настойчиво повторяла миссис Стивенсон, это для нас последняя надежда избежать тюрьмы.

Гэри вздохнул, подав назад голову.

– Хорошо, Артур. Я готов встретиться с Рейдженем.

Артур отодвинул свой стул к самой дальней стене небольшой переговорной, чтобы максимально увеличить расстояние. Снова сел, его взгляд стал таким далеким, словно он смотрел вглубь самого себя. Губы зашевелились, рука взмыла к щеке. Челюсть напряглась. Затем он сменил позу: напряженная спина изогнулась, и перед адвокатами предстал агрессивный, настороженный борец.

– Плохо думали. Нельзя было разглашать секрет.

К их удивлению, голос стал низким и грубым, в нем слышалась уверенность в своих силах и враждебный настрой, которые прогремели на всю комнатушку. Говорил собеседник с ярко выраженным славянским акцентом.

– Вот что я вам скажу, – продолжил Рейджен, злобно глядя на окружающих. Его лицо было так напряжено, что выглядело теперь совершенно иначе, и смотрел он пронизывающе, насупив брови. – Даже при том, что Дэвид проболтался по ошибке, я против.

Не похоже было, что он лишь имитировал акцент, речь действительно шипела и свистела, как у человека, выросшего в Восточной Европе. Он выучил английский, но акцент остался при нем.

– Почему вы не хотели рассказывать правду? – спросила Джуди.

– Кто поверить? – спросил он, сжимая кулаки. – Скажут мы все придурки. Это будет плохо.

– Это может защитить от тюрьмы, – сказал Гэри.

– Как возможно? – рявкнул Рейджен. – Я не дурак, мистер Швайкарт. Полиция имеет доказательства, что я делал грабежи. Я признаю три ограбления на университете. Но только три. Но что говорят еще – вранье. Я не насильник. Я пойду в суд признаваться в грабежах. Но если идти в тюрьму, я убью детей. Это эвтаназия. Тюрьма – не место маленьких.

– Но если... вы убьете маленьких... не приведет ли это и к вашей собственной смерти? – спросила Джуди.

– Необязательно, – ответил Рейджен. – Мы все разные люди.

Гэри нервно провел рукой по волосам.

– Скажите, а когда Билли, или кто там это был, на прошлой неделе бился головой о стену камеры, это не повредило ваш череп?

Рейджен потрогал его рукой.

– Это так. Но боль была не моя.

– А кто ее испытывал? – спросила Джуди.

– Дэвид – хранитель боли. Он берет все страдания. Дэвид – эмпат.

Гэри встал и начал ходить из стороны в сторону, но, увидев, как напрягся Рейджен, решил, что лучше сесть.

– Это Дэвид пытался расколоть свою башку?

Рейджен покачал головой.

– Это Билли.

– А, – сказал Гэри, – я думал, Билли все это время спал.

– Так. Но у него был день рождения. Малышка Кристин написать ему открытку, хотела дать. Артур разрешает Билли в день рождения проснуться и встать в пятно. Я был против. Я защищаю. Я это отвечаю. Может, Артур умнее, но он человек. Артур делать ошибки.

– И что случилось, когда Билли проснулся? – спросил Гэри.

– Он смотреть вокруг. Видеть себя в тюрьме. Думать, что делал что-то плохое. И бить головой по стене.

Джуди вздрогнула.

– Билли нас не знает, ясно, – объяснил Рейджен. – У него... как это говорить?... Амнезия. Скажу так. Он в школе потерял много времени, шел крыша. Начал прыгать. Я толкнул его с пятна и остановил. И с этот день он спать. Всегда. Я и Артур слежу за этим, чтобы его защищать.

– Когда это было? – уточнила Джуди.

– Сразу после шестнадцати. Помню, ему было плохо, что отец заставит его работать в день рождения.

– Боже мой, – прошептал Гэри. – Он спит семь лет?

– Еще спит. Просыпаться несколько минут. Ошибка пускать его в пятно.

– А кто все это время работал? – спросил Гэри. – Общался с окружающими? Никто из тех, с кем мы общались, не упоминал ни русского, ни британского акцента.

– Не русский, мистер Швайкарт. Югославский.

– Простите.

– Ничего. Просто чтобы знать. Ответ на вопрос: когда надо говорить с людьми, в пятне чаще Аллен или Томми.

– Они появляются и удаляются по собственному желанию? – поинтересовалась Джуди.

– Скажу так. В разных обстоятельствах пятно контролирую я или Артур – по ситуации. В тюрьме я – я решаю, кому выходить, кому не показываться, потому что тюрьма – опасное место. Я защитник, и вся власть моя. В ситуациях без опасности, когда важно ум и логика, тогда пятно управляет Артур.

– А сейчас?

Гэри уже понимал, что полностью утратил профессиональное беспристрастие, и с любопытством наблюдал за этим невероятным феноменом, всецело его захватившим.

Рейджен пожал плечами и осмотрелся.

– Сейчас тюрьма.

Дверь приемной внезапно открылась, Рейджен подскочил, как кот, настороженный, готовый обороняться, приняв каратистскую позу. Увидев, что это лишь какой-то адвокат, который зашел посмотреть, свободна ли комната, он успокоился.

Хотя Гэри изначально намеревался уделить клиенту стандартные пятнадцать минут, максимум полчаса, уверенный, что разоблачит несомненный обман, ушел он через пять часов в

абсолютном убеждении, что у Миллигана действительно множественная личность. Когда они с Джуди вышли в морозную ночь, Гэри поймал себя на абсурдной мысли съездить в Англию или Югославию и поискать свидетельства существования Артура или Рейджена. Он не то чтобы верил в реинкарнацию или одержимость дьяволом, но все еще был совершенно изумлен и не испытывал никаких сомнений, что общался в приемной с несколькими различными людьми.

Гэри посмотрел на Джуди – та тоже оглушенно молчала.

– Так, ладно, – начал он, – должен признать, что я в шоке как в мыслях, так и в чувствах. Я верю. И, думаю, что даже Джо-Энн мне поверит, когда я объясню, почему снова опоздал к ужину. Но, черт побери, как мы убедим в этом обвинение и судью?

6

21 февраля доктор Стелла Кэролин, психиатр Юго-западного центра психического здоровья, коллега доктора Тернер, сообщила адвокатам Миллигана, что доктор Корнелия Уилбур, получившая мировую известность из-за работы с Сибил, женщиной, имевшей шестнадцать личностей, согласилась приехать к ним из Кентукки 10 марта и пообщаться с Миллиганом.

Готовясь к визиту доктора Уилбур, Дороти Тернер и Джуди Стивенсон взялись убеждать Артура, Рейджена и остальных, что придется разделить их тайну с еще одним человеком. Они опять подолгу уговаривали каждого поодиночке. К этому времени было известно уже девять имен – Артур, Аллен, Рейджен, Дэвид, Дэнни, Кристофер, но с Кристин, трехлетней сестрой Кристофера, они еще не встречались, как и с оригиналом, или главной личностью, Билли, которому остальные не давали проснуться. Получив наконец разрешение посвящать в тайну и других людей, они назначили в тюрьме встречу Миллигана с доктором Уилбур, где в том числе должен был присутствовать и прокурор.

Джуди с Гэри также побеседовали с матерью Миллигана, Дороти, его младшей сестрой Кэти и старшим братом Джимом. Хотя никто из них не подтверждал жестокого обращения с Билли, о котором рассказывали его личности, мать призналась, что Челмер Миллиган ее бил. Учителя, друзья и родственники Билли Миллигана описывали случаи его странного поведения, трансподобные состояния, попытки покончить с собой.

Джуди и Гэри уже не сомневались, что собрали веские доказательства в пользу своего клиента, который согласно закону штата Огайо не был в состоянии предстать перед судом. Но в то же время они понимали, что их ожидает еще одно препятствие: если судья Флауэрс признает экспертизу Юго-западного центра, Билли Миллигана отправят в психиатрическую клинику для дальнейшей диагностики и соответствующего лечения. Но им не хотелось, чтобы их клиента отправили в государственную клинику города Лайма для невменяемых преступников, поскольку были наслышаны о ней от своих предыдущих клиентов и понимали, что Билли там не выжить.

Доктор Уилбур должна была встретиться с Миллиганом в пятницу, но по личным причинам у нее изменились планы. Джуди позвонила сообщить об этом Гэри.

– Ты сегодня зайдешь в контору? – поинтересовался он.

– Не собиралась.

– Нам надо все обговорить, – сказал он. – Юго-западный центр утверждает, что никакой альтернативы Лайме нет, но по моим ощущениям – должна быть.

– Слушай, в офисе не топят, и холодина адский, – ответила она. – Эла нет дома, у меня горит камин. Приезжай. Напою тебя ирландским кофе и обсудим.

Он рассмеялся.

– Уломала.

Через полчаса они оба сидели у камина.

Гэри грел руки о горячую чашку.

– Знаешь, я был совершенно потрясен, когда вышел Рейджен, – признался он. – Я просто поражен, насколько он приятный человек.

– Да, я как раз о том же думала, – согласилась Джуди.

– Я о том, что Артур назвал его «хранителем ненависти». Я ждал черта в ступе, а он оказался таким интересным и обаятельным. И я верю, что он не трогал ту женщину, которую в августе изнасиловали у Нейшенвайд-плаза. Да и насчет остальных троих уже сомневаюсь.

– По поводу первой я согласна. Это обвинение просто притянута за уши. Рисунок совершенно другой. Но остальных-то троих, несомненно, похитили, обокрали и изнасиловали, – ответила Джуди.

– У нас есть лишь обрывки его воспоминаний об этих преступлениях. Знаешь, странно, что Рейджен узнает вторую жертву и думает, что кто-то из них с ней и раньше пересекался.

– Помимо этого, мы знаем, что Томми помнит, как выходил в пятно и контролировал тело в «Вендис», что они с третьей жертвой съели там по гамбургеру, и полагает, что у кого-то из них с ней было свидание.

– Полли Ньютон подтвердила, что они заезжали перекусить. И, по ее же словам, выглядел он как-то странно и закончил половой акт через пару минут, сказав при этом самому себе: «Билл, да что с тобой? Соберись». А ей – что ему надо принять холодный душ, чтобы остыть.

– Но был же еще и какой-то бред насчет того, что он «уэзермен» и ездит на «Мазерати».

– Кто-то просто хвастался.

– Ладно, надо признать, что мы не знаем, что именно там произошло, как и никто из тех личностей, с которыми мы общались.

– Рейджен признается в ограблениях, – напомнила Джуди.

– Да, а изнасилования отрицает. Я про то, что это в целом странно. Можешь себе представить, что трижды за две недели Рейджен напивается, принимает амфетамины и бежит с утра пораньше в кампус за восемнадцать километров от дома? Потом выбирает жертву и вырубается...

– Уходит из пятна, – поправила Джуди.

– Да, я как раз об этом, – Гэри вернул ей чашку и попросил еще кофе. – Так вот, он всякий раз выходит из пятна, а потом оказывается в центре Коламбуса с денежками в кармане и понимает, что обворовал их, как и собирался. Но не помнит подробностей. И так три раза. По его словам, это время в промежутке кто-то украл.

– Да, тут явно чего-то не хватает, – согласилась Джуди. – Кто-то же бросал в воду бутылки, стрелял по ним.

Гэри кивнул.

– Это был не Рейджен. По словам женщины, он несколько минут возился с пистолетом, прежде чем ему удалось произвести выстрел. Ну, не сразу смог снять с предохранителя. И не всегда попадал. Рейджен в этом эксперт, он бы не промазал.

– Но Артур уверял, что другим пользоваться оружием запрещено.

– Так и вижу, как мы пытаемся объяснить это судье.

– Мы будем это делать?

– Не знаю, – ответил Швайкарт. – Вообще, глупо объяснять его невменяемость именно диссоциативным расстройством личности, ведь, согласно классификации, это невроз, а не психоз. Даже психиатры считают, что множественные личности – не сумасшедшие.

– Да лучше уж так прямо и сказать, что вменяем и невиновен. Будем упираться на то, что это сделано непреднамеренно, как в том калифорнийском казусе с множественной личностью.

– Тогда правонарушение было незначительное, – возразил Гэри. – А у нас дело уже очень громкое, сослаться на расщепление личности не прокатит. Это факт.

Джуди вздохнула и стала смотреть на огонь.

– И вот что еще, – продолжил Гэри, поглаживая бороду. – Даже если Флауэрс увидит то же, что видим мы, он отправит Миллигана в Лайму. А Билли в тюрьме уже прослышал, что это за место. Помнишь заявление Рейджена по поводу эвтаназии? О том, что если его отправят туда, он убьет детей? Я в это верю.

– Тогда надо сделать так, чтобы его поместили куда-нибудь еще, – сказала Джуди.

– Юго-западный центр говорит, что Лайма – это единственное место, где его могут лечить перед судом.

– В Лайму – только через мой труп, – возразила она.

– Тут я тебя поправлю, – сказал Гэри, поднимая чашку. – Через *наши* трупы.

Они чокнулись, Джуди налила еще.

– Не могу смириться, что у нас нет других вариантов.

– Давай найдем другие варианты, – предложил он.

– Точно, – согласилась она. – Найдем.

– Раньше было только так, – напомнил он, вытирая с бороды сливки.

– И что? раньше в Огайо не было Билли Миллигана.

Джуди взяла с полки потрепанное «Уголовное право штата Огайо», и они принялись читать его вслух по очереди.

– Еще кофе? – предложила она.

– Просто черный, не ирландский. И покрепче.

Два часа спустя Гэри попросил ее перечитать один абзац. Джуди ткнула пальцем в параграф 2945.38.

«...если суд или присяжные признают обвиняемого невменяемым, суд немедленно должен направить его в клинику для душевнобольных или умственно отсталых, находящуюся в юрисдикции суда. Если суд признает это целесообразным, данное лицо должно быть направлено в государственную клинику города Лайма до тех пор, пока к нему не вернется рассудок, после чего обвиняемый будет преследоваться по закону».

– Да! – вскричал, подсказывая, Гэри. – «В клинику для душевнобольных или умственно отсталых, находящуюся в юрисдикции суда». Это не означает, что *исключительно* в Лайму.

– Нашли!

– Боже, а все говорят, что другого варианта содержания до суда нет.

– Осталось только найти другую психбольницу в юрисдикции нашего суда.

Гэри хлопнул себя по лбу.

– Господи. Невероятно. Я знаю! Я после армии работал там ассистентом. Это больница Хардинга.

– Хардинга? Она точно в этой юрисдикции?

– Однозначно. Она в Уортингтоне, штат Огайо. Кроме того, это одна из самых консервативных и уважаемых психиатрических клиник во всей стране. Они относятся к Церкви адвентистов седьмого дня. Даже самые непробиваемые прокуроры говорят: «Уж если доктор Джордж Хардинг-младший считает его сумасшедшим, то я верю. Он не из тех, кто за тридцать минут склонится на сторону защиты и объявит человека невменяемым».

– Прокуроры так говорят?

Гэри вскинул правую руку.

– Я слышал такое, честное слово. Думаю, даже от Терри Шермана. Кстати, Дороти Тернер говорила, что часто принимает участие в экспертизе по просьбе больницы Хардинга.

– Значит, отправим его туда, – согласилась Джуди.

Гэри вдруг резко сел, лицо его помрачнело.

– Но есть проблема. Это очень дорогая частная клиника, а денег у Билли нет.

– Это не должно нас остановить.

– Ну а как мы его туда пропихнем?

- Устроим так, чтобы они заинтересовались диагнозом Билли.
- И как же мы этого добьемся? – спросил Гэри.

Полчаса спустя Гэри стряхнул снег с ботинок и позвонил в дверь дома Хардинга. Он вдруг резко застеснялся: он, чокнутый бородатый государственный адвокат, пришел к консервативному психиатру из истеблишмента, внуку брата самого президента Уоррена Хардинга⁶, в его роскошный дом. Это должна была делать Джуди. Она бы произвела лучшее впечатление. Гэри затанул галстук потуже, заправил выбившийся воротничок, открылась дверь.

Сорокадевятилетний Джордж Хардинг оказался стройным, безупречно выбритым мужчиной с мягким взглядом и голосом. Гэри он показался очень симпатичным.

- Мистер Швайкарт, прошу вас.

Гэри с трудом снял ботинки и оставил их в лужице в прихожей. Потом сбросил куртку, повесил ее на вешалку и прошел вслед за доктором Хардингом в гостиную.

– Мне ваше имя показалось знакомым, – сказал хозяин, – и после вашего звонка я искал в газетах. Вы выступаете защитником по делу Миллигана, молодого человека, напавшего на четырех женщин в кампусе Университета Огайо.

Гэри покачал головой.

– На трех. Изнасилование, случившееся в августе на Нейшенвайд-плаза, совершенно не похоже на остальные, и его, несомненно, сбросят со счетов. Дело приобрело крайне неожиданный оборот. И я хотел бы поинтересоваться вашим мнением.

Хардинг указал Гэри на мягкий диван, а сам сел на стул с жесткой спинкой. Он сложил кончики пальцев и внимательно выслушал подробный рассказ Гэри о том, что стало известно им с Джуди, и о назначенной на воскресенье встрече в окружном суде Франклина.

Хардинг задумчиво кивнул, а потом заговорил, старательно подбирая слова.

– Я, разумеется, с уважением отношусь к Стелле Кэролин и Дороти Тернер, – он снова впал в задумчивость, уставившись в потолок. – Тернер проводит для нас тестирование, она со мной об этом деле уже говорила. Если приедет доктор Уилбур... – теперь он смотрел в пол поверх башенки из пальцев, – я не вижу поводов отказываться. Значит, в воскресенье?

Гэри лишь кивнул, не отважившись сказать ни слова.

– Но, мистер Швайкарт, должен сразу вам сказать, что я испытываю огромные сомнения в отношении синдрома, называемого множественной личностью. Хотя доктор Корнелия Уилбур летом 1975 года и читала лекцию о Сибил непосредственно в больнице Хардинга, я не могу сказать, что верю в это. При всем моем уважении как к ней, так и к другим психиатрам, сталкивавшимся с пациентами такого рода... Понимаете, в подобном случае очевидно, что пациент вполне может лишь симулировать амнезию. Но поскольку соберутся Тернер и Кэролин... да и доктор Уилбур приедет...

Хардинг поднялся.

– Подчеркну, что это ни к чему не обязывает ни меня, ни больницу. Но я буду рад появиться на встрече.

Добравшись до дома, Гэри тут же позвонил Джуди.

– Привет, коллега, – со смехом сказал он. – Хардинг заинтересовался.

В субботу 11 марта Джуди отправилась в окружную тюрьму Франклина, чтобы сообщить Миллигану об изменении в планах и о том, что доктор Корнелия Уилбур встретится с ним только на следующий день.

– Лучше бы было предупредить вчера, – сказала она, – извини.

Его затрясло. По выражению лица Джуди поняла, что перед ней Дэнни.

– Дороти Тернер больше не придет, да?

⁶ Уоррен Г. Хардинг (1865–1923) – 29-й президент США (1921–1923).

– Конечно, придет, Дэнни. Почему ты так подумал?
– Люди сначала обещают, а потом забывают. Не оставляйте меня одного.
– Не оставлю. Но ты все же соберись. Завтра придет доктор Уилбур, а с ней – Стелла Кэрролин, Дороти Тернер, я... и еще несколько человек.

Его глаза широко распахнулись.

– Еще несколько?

– Будет один врач... доктор Хардинг из больницы Хардинга. И прокурор Берни Явич.

– Мужчины? – едва вымолвил Дэнни и так затрясся, что у него застучали зубы.

– Их присутствие очень важно, чтобы тебя защитить, – объяснила она. – Но будем и мы с Гэри. Слушай, думаю, надо дать тебе успокоительное.

Дэнни кивнул.

Джуди вызвала охранника и попросила поместить клиента в камеру, чтобы самой сходить за врачом. Когда они через несколько минут вернулись, Миллиган сидел в дальнем углу, съевшись, из носа шла кровь, которой он перепачкал все лицо. Он опять бился головой о стену.

Миллиган безучастно посмотрел на Джуди, и она поняла, что это уже не Дэнни, а хранитель боли.

– Дэвид? – спросила она.

Он кивнул.

– Мисс Джуди, мне больно. Очень больно. Я не хочу больше жить.

Джуди приподняла и обняла его.

– Дэвид, не говори так. Ты должен жить. Многие в тебя верят и помогут тебе.

– Я боюсь попасть в тюрьму.

– Туда тебя не отправят. Мы будем за это бороться.

– Я ничего плохого не делал.

– Дэвид, я знаю. Я тебе верю.

– Когда ко мне придет Дороти Тернер?

– Я же говорила... – и тут она поняла, что говорила это *Дэнни*. – Завтра. И с ней будет еще одна женщина, психиатр доктор Уилбур.

– Вы же не раскроете ей тайну?

Она покачала головой.

– Не раскроем, Дэвид. Что касается доктора Уилбур, в этом точно не будет необходимости.

7

Утро воскресенья 12 марта выдалось холодным и солнечным. Берни Явич вылез из машины и зашел в тюрьму с крайне странным предчувствием. Он как прокурор еще ни разу не присутствовал на психиатрической экспертизе подсудимого. Явич несколько раз перечитал и отчет Юго-западного центра, и полицейские отчеты, но совершенно не представлял, чего именно ждать.

Он просто не мог поверить в то, что все эти выдающиеся специалисты всерьез говорят о расщеплении личности. То, что посмотреть на Миллигана приехала сама Корнелия Уилбур, на него не произвело особого впечатления. Она верит в эту болезнь и ищет ее всюду. Следить надо будет за доктором Джорджем Хардингом. По мнению Явича, это самый уважаемый психиатр штата Огайо, он разоблачит любое притворство. Многие ведущие прокуроры, не отличающиеся особым уважением к показаниям психиатров, когда те говорят о невменяемости преступников, отмечают, что доктор Хардинг-младший – единственное исключение.

Собравшись, все расположились в обычной большой комнате со складными стульями, доской и столом, где на пересменку собирались полицейские.

Явич поздоровался с доктором Стеллой Кэролин и Шейлой Портер, социальным работником из Юго-западного центра, его также представили докторам Уилбур и Хардингу.

Потом открылась дверь, и прокурор впервые увидел самого Билли Миллигана. Рядом с ним находилась Джуди Стивенсон, она держала подзащитного за руку. Перед ними шла Дороти Тернер, за ними – Гэри. Они вошли, и Миллиган, увидев такое количество людей, оробел.

Дороти Тернер представила всех вошедших и посадила Миллигана ближе к Корнелии Уилбур.

– Доктор Уилбур, – тихонько сказала она, – это Дэнни.

– Здравствуй, Дэнни, приятно познакомиться. Как дела?

– Нормально, – ответил он, прижимаясь к руке Дороти.

– Я понимаю, что тут полно незнакомых людей и ты нервничаешь, но мы собрались, чтобы тебе помочь, – постаралась успокоить его Уилбур.

Они расселись, Швайкарт наклонился к Явичу и прошептал:

– Если ты не согласишься в то, что увидишь, я сдам лицензию.

Уилбур начала расспрашивать Миллигана, и Явич расслабился. Она напоминала ему симпатичную энергичную мамашу с ярко-рыжими волосами и насыщенно красной помадой. Дэнни ответил на ее вопросы, рассказал об Артуре, Рейджене, Аллене.

Корнелия Уилбур повернулась к Явичу:

– Понимаете, для множественной личности характерна готовность рассказывать о том, что случилось с другими, но не с ним самим.

Задав еще несколько вопросов и получив на них ответы, психиатр обратилась к Джорджу Хардингу:

– Яркий пример истерико-невротической диссоциации.

Дэнни посмотрел на Джуди и сказал:

– Она ушла из пятна.

Джуди улыбнулась и прошептала ему:

– Нет, Дэнни, у нее все происходит по-другому.

– Наверняка у нее внутри много народу, – настаивал Дэнни. – Со мной она так разговаривает, а потом начинает по-другому и такими умными словами, как Артур.

– Жаль, судья Флауэрс сейчас не с нами, – посетовала Уилбур. – Я понимаю, что происходит с этим человеком. И что ему нужно.

Дэнни мотнул головой и с возмущением уставился на Дороти Тернер.

– Вы ей сказали! Вы же обещали, но не сдержали слово.

– Нет, Дэнни, – ответила ему Тернер, – я ничего не говорила. Доктор Уилбур сама поняла, потому что встречала таких, как ты, и раньше.

Корнелия Уилбур мягким, но уверенным голосом успокоила Дэнни, глядя ему в глаза. Она коснулась своего лба рукой, и на ее пальце сверкнуло кольцо с бриллиантом, отразившееся в его глазах.

– Дэнни, ты совершенно расслаблен и чувствуешь себя хорошо. Тебя ничего не беспокоит. Успокойся. Можешь говорить и делать что хочешь.

– Я хочу уйти, – ответил Дэнни, – из пятна.

– Дэнни, мы согласны с каждым твоим желанием. Вот что. Когда ты уйдешь, я бы хотела поговорить с Билли. С тем Билли, который родился с этим именем.

Он пожал плечами.

– Я не могу заставить Билли выйти. Он спит. Только Артур и Рейджен могут его разбудить.

– Ну, тогда передай Артуру с Рейдженом, что я хочу поговорить с Билли. Это очень важно.

Взгляд Дэнни стал пустым. Изумление Явича все росло. Потом Миллиган зашевелил губами, тело резко дернулось, распрямившись, и он стал оглядываться по сторонам, словно ничего не понимая. Поначалу он молчал, а потом попросил сигарету.

Доктор Уилбур отреагировала на просьбу, он уселся, и Джуди Стивенсон шепотом сообщила Явичу, что сигареты курит только один из них – Аллен.

Уилбур снова представила тех присутствующих, с кем Аллен еще не был знаком, и Явич поразился, насколько Миллиган переменялся, расслабился, стал общительным. Он часто улыбался, много, быстро и открыто говорил, совершенно не напоминая стеснительного Дэнни, похожего на маленького мальчика. Аллен рассказал, чем увлекается: играет на пианино и ударных, а еще рисует, в основном портреты. Ему восемнадцать лет, любит бейсбол, хотя Томми, наоборот, эту игру ненавидит.

– Хорошо, Аллен, – сказала Уилбур, – я бы теперь пообщалась с Артуром.

– Ну ладно, – согласился Аллен, – но погодите, я...

Шокированный Явич наблюдал за тем, как Аллен сделал пару быстрых и глубоких затяжек, а потом ушел. Такая мелочь, эти затяжки, показались ему абсолютно спонтанным поступком, после которого должен был появиться Артур, который не курит.

Снова взгляд подернулся пеленой, задрожали веки. Потом Миллиган открыл глаза, отстранился, высокомерно осмотрел окружающих, сложил кончики пальцев, сделав пирамидку из ладоней. И заговорил с благородным британским акцентом.

Явич слушал, нахмурившись. Он понимал, что с Уилбур разговаривает совершенно другой человек. Взгляд и жесты очевидно отличали его от Аллена. У Явича был друг из Англии, адвокат из Кливленда, так что его поразило и сходство в их речи – акцент казался настоящим.

– Полагаю, я с собравшимися не знаком, – начал Артур.

Его представили всем по очереди, Явичу казалось глупым здороваться с Артуром так, словно он только что вошел. Когда Уилбур задала Артуру вопрос об остальных, он рассказал, кто какую роль выполняет, кому можно, а кому нельзя выходить в пятно. Наконец, доктор Уилбур снова сказала, что должна поговорить с Билли.

– Будить его очень опасно, – ответил Артур. – Вы же знаете, у него суицидальные наклонности.

– Необходимо, чтобы его увидел доктор Хардинг. От этого может зависеть исход слушания. Либо свобода и лечение, либо тюрьма.

Артур задумался, поджав губы.

– Ну, вообще-то, не мне это решать. Поскольку мы находимся в тюрьме – то есть во враждебной обстановке, – главенствует Рейджен, и окончательное решение о том, кто выйдет в пятно, принадлежит ему.

– Какую роль Рейджен играет в вашей жизни? – поинтересовалась доктор.

– Он наш защитник и хранитель ненависти.

– Хорошо, – напористо сказала доктор Уилбур. – Я должна поговорить с Рейдженем.

– Мадам, я рекомендую...

– Артур, у нас не так много времени. Все эти занятые люди пожертвовали утром воскресенья, чтобы собраться и оказать вам помощь. Рейджен должен дать согласие на то, чтобы к нам вышел Билли.

Лицо Миллигана снова утратило какое-либо выражение, он смотрел в пустоту, как в транс. Губы шевелились, словно он вел какой-то внутренний неслышимый разговор. Потом напряглась челюсть, лоб сильно нахмурился.

– *Невозможно*, – прорычал голос с сильным славянским акцентом.

– В каком смысле? – спросила Уилбур.

– Невозможно говорить с Билли.

– А вы кто?

– Рейджен Вадасковинич. Кто эти люди?

Доктор Уилбур снова всех представила, а Явич опять поразился перемене и привлекающему внимание славянскому акценту. Он расстроился, что не знает ни одного выражения на сербохорватском, чтобы проверить, понимает ли Рейджен язык или только говорит с акцентом. Ему хотелось бы, чтобы это проверила хотя бы доктор Уилбур. Но выказать это желание вслух он не мог, потому что всех попросили молчать, лишь представляться.

Доктор Уилбур снова обратилась к Рейджену:

– Откуда вы узнали, что я хотела поговорить с Билли?

Рейджен кивнул с некой радостью в глазах.

– Артур спрашивать мое мнение. А я возражаю. Я защитник, и мое право – решать, кто идет на пятно. Невозможно, чтобы вышел Билли.

– Почему?

– Вы доктор, да? Скажу так. Невозможно потому, что Билли проснется и убьет себя.

– Почему вы так уверены?

Он пожал плечами.

– Когда Билли на пятне, он всегда думает, что сделал плохо, и пытается себя убивать. А я за это отвечаю. И я говорю «нет».

– За что вы отвечаете?

– Защита всех, особенно маленьких.

– Ясно. И вы всегда справлялись со своими обязанностями? Маленькие ни разу не страдали, не испытывали боль, потому что вы их защищали в любой ситуации?

– Не совсем так. Дэвид чувствует боль.

– И вы *допускаете* это?

– Это его цель.

– То есть вы, большой сильный мужчина, позволяете ребенку переживать столько боли и страданий?

– Доктор Уилбур, не я...

– Рейджен, вам должно быть стыдно. И я не думаю, что вы можете брать на себя такую власть. Я – врач, я уже лечила пациентов, похожих на вас. И, думаю, лучше *мне* решить, можно ли выходить Билли, – я однозначно не из тех, кто позволит беззащитному ребенку брать на себя всю боль, когда можно облегчить его страдания.

Рейджен заерзал на стуле; вид у него был смущенный и виноватый. Он пробормотал, что она совершенно неправильно понимает ситуацию, но доктор Уилбур продолжала, мягко, но весьма настойчиво.

– Ладно! – согласился он. – Вы берете ответственность. Но сначала мужчины уходить из комнаты. Билли боится их после того, что делал ему отец.

Гэри, Берни Явич и доктор Хардинг с готовностью поднялись, но слово взяла Джуди:

– Рейджен, надо разрешить доктору Хардингу остаться и увидеть Билли. Доверься мне. Доктор Хардинг очень заинтересовался медицинским аспектом вашего случая, надо позволить ему остаться.

– А мы выйдем, – сказал Гэри, указывая на себя и Явича.

Рейджен осмотрелся, оценивая обстановку.

– Разрешаю, – сказал он, указывая на стул в самом дальнем углу этой большой комнаты. – Но он должен сидеть там. Все время.

Джордж Хардинг вяло улыбнулся, ему было тревожно. Но он кивнул и сел в углу.

– И не двигаться! – добавил Рейджен.

– Хорошо.

Гэри с Явичем вышли в коридор.

– Основную личность, Билли, я сам никогда не видел. Не знаю, выйдет ли он. Но что скажешь о том, что уже увидел? – поинтересовался Гэри.

Явич вздохнул.

– Сначала я был настроен крайне скептически. А теперь не знаю, что и думать. Но мне не кажется, что он притворяется.

Оставшиеся в комнате с Миллиганом стали свидетелями того, как он побледнел, его взгляд обратился вовнутрь. Губы начали подрагивать, как бывает у человека, разговаривающего во сне.

Вдруг глаза распахнулись.

– Боже! – воскликнул он. – Я думал, что умер!

Он дернулся. Увидев, что на него смотрят люди, Миллиган вскочил со стула, упал на пол и на четвереньках пополз к противоположной стене, подальше ото всех, втиснулся между пустых стульев, съежился, зарыдал.

– Что я наделал на этот раз?

– Ты ничего плохого не сделал. Тебе не из-за чего переживать, – нежно, но уверенно сказала Корнелия Уилбур.

Миллиган дрожал и вжимался в стену, как будто пытаясь просочиться сквозь нее. Волосы упали на глаза, но он и не попытался убрать их.

– Билли, ты, наверное, не знаешь об этом, но мы все собрались, чтобы тебе помочь. Встань, пожалуйста, с пола, сядь на стул – и поговорим.

Всем было ясно, что Уилбур прекрасно владеет ситуацией и знает, что делает, что она умеет добиться от Миллигана нужной реакции.

Он встал, сел на стул, хотя у него прыгали колени, да и все тело тряслось.

– Я не умер?

– Билли, ты живее всех живых. Мы в курсе, что у тебя проблемы и что тебе нужна помощь. Да?

Он кивнул, широко распахнув глаза.

– Билли, ты недавно пытался разбить голову о стену. Зачем?

– Я думал, что умер, – повторил он. – А потом вдруг проснулся в тюрьме.

– А что было перед этим?

– Я пошел на крышу в школе. Больше не хотел с врачами общаться. Доктор Браун из Центра психического здоровья Ланкастера меня не вылечил. И я думал, что спрыгнул. Почему я не мертв? Кто вы все такие? Почему вы так на меня смотрите?

– Тут врачи и адвокаты, Билли. Мы собрались, чтобы тебе помочь.

– Врачи? Папа Чел меня убьет, если я буду с вами разговаривать.

– Но почему?

– Не хочет, чтобы я рассказывал, что он со мной делал.

Уилбур вопросительно посмотрела на Джуди Стивенсон.

– Это его приемный отец, – пояснила Джуди. – Но его мать развелась с Челмером Миллиганом шесть лет назад.

Билли в ошеломлении вылупил глаза.

– Развелась? Шесть лет назад? – Он поднес руку к лицу, словно проверяя, действительно ли все это происходит. – Как такое возможно?

– Билли, нам надо о многом поговорить, – сказала Уилбур. – Сложить мозаику, в которой не хватает многих элементов.

Он начал неистово вертеть головой.

– Как я сюда попал? Что происходит? – Миллиган зарыдал и начал раскачиваться взад-вперед.

– Билли, я понимаю, что ты устал. Можешь пойти отдохнуть.

Он резко перестал плакать. Насторожился, хотя по-прежнему пребывал в смятении. Потом дотронулся до мокрой щеки и нахмурился.

– Что там происходит? Кто это был? Я слышал плач, но не понял, откуда он. Боже, кем бы он ни был, он же собирался броситься о стену. Кто это?

– Билли, – ответила Уилбур. – Настоящий Билли, иногда таких называют «первичной» или «ключевой» личностью. А ты кто?

– Я не в курсе, что Билли выпустили. Меня не предупредили. Я Томми.

Гэри и Берни Явичу разрешили вернуться. Собравшимся представили Томми, задали ему несколько вопросов и отвели обратно в камеру. Когда Явич услышал о том, что случилось в их отсутствие, он покачал головой. Все это казалось таким нереальным – словно в тело Миллигана вселялись какие-то духи или демоны.

– Не знаю, что это все означает, но, полагаю, я на вашей стороне. Не похоже, что он играет, – сказал он, обращаясь к Гэри с Джуди.

Только доктор Джордж Хардинг ничего не сказал, точнее, сказал лишь, что сделает окончательное заключение позже, поскольку ему надо обдумать увиденное и услышанное. Но он обещал высказать свое мнение судье Флауэрсу в письменной форме на следующий день.

8

Расс Хилл, врач, поднявшийся с Томми в его камеру, понятия не имел, что с ним не так. Он лишь знал, что этого молодого человека часто посещают доктора и адвокаты, что он очень переменчив и хорошо рисует. Через несколько дней после того воскресенья он, проходя мимо камеры Миллигана, как раз застал его за этим занятием. Заглянув через решетку, он увидел детские каракули с какой-то подписью печатными буквами.

К нему подошел охранник и засмеялся.

– Ха, да мой двухлетний ребенок рисует лучше, чем этот чертов насильник.

– Отстань от него, – сказал Хилл.

У охранника в руках был стакан воды, и он плеснул через решетку, намочив рисунок.

– Зачем ты так? – спросил Хилл. – Дурак, что ли?

Но тут охранник заметил выражение лица Миллигана и отошел от решетки. Это была несомненная ярость. Он, казалось, искал что-нибудь, чем швырнуть в охранника. Вдруг Билли схватился за унитаз, вырвал его и бросил в решетку, разбив на куски.

Охранник попятился, потом побежал и нажал кнопку сигнала тревоги.

– Ох, Миллиган, – сказал Хилл.

– Он полил рисунок Кристин. Плохо портить работу ребенка.

В коридор ворвались шестеро полицейских, но Миллиган к этому времени уже сидел на полу с изумлением на лице.

– Сукин сын, ты за это заплатишь, – заорал охранник, – это государственная собственность.

Томми сел к стене, завел руки за голову и высокомерно ответил:

– Да плевал я на эту государственную собственность.

В письме судье Флауэрсу, датированном 13 марта 1978 года, доктор Джордж Хардинг-младший написал: «На основании проведенной встречи считаю, что Уильям С. Миллиган не компетентен предстать перед судом, поскольку он не в состоянии оказывать содействие адвокатам в целях собственной защиты. Помимо этого, ему недостает эмоциональной интеграции для того, чтобы давать показания, предстать перед обвинением и в целом присутствовать в суде, кроме как чисто физически».

Доктору Хардингу предстояло принять еще одно решение. И Швайкарт, и Явич просили его не только об экспертизе, но и о том, чтобы он взял Миллигана в больницу Хардинга для дальнейшего обследования и лечения.

Решение это далось Джорджу Хардингу нелегко. На него произвел впечатление тот факт, что на встрече присутствовал и сам прокурор Явич – такое случалось крайне редко. Швайкарт с Явичем заверяли, что не просят его занимать позицию защиты или обвинения, поскольку обе эти стороны заранее пришли к соглашению занести отчет доктора Хардинга в судебный протокол с пометкой «по соглашению сторон». А разве можно устоять, когда об одном и том же просят обе стороны?

Как главный врач больницы Хардинга он обратился с этой просьбой к ее администратору и начальнику финансовой службы.

– Мы никогда не отказывались от трудных случаев, – сказал он им. – Больница Хардинга берет не только тех пациентов, которые легко поддаются лечению.

На основании мнения Джорджа Хардинга, что таким образом можно повысить квалификацию персонала, а также сделать вклад в психиатрию как науку, комитет согласился принять Уильяма Миллигана в свою больницу на три месяца, предписанные судом.

14 марта за Миллиганом пришел Хилл в сопровождении одного полицейского.

– Тебя ждут внизу, – пояснил охранник, – но шериф сказал, что надо надеть смирительную рубашку.

Миллиган не сопротивлялся, и его на лифте привезли на первый этаж.

Там в коридоре его ждали Гэри и Джуди, которым не терпелось рассказать своему клиенту радостные новости. Когда открылась дверь лифта, Расс Хилл и охранник уставились на Миллигана с раскрытым ртом – он снял смирительную рубашку, освободившись почти полностью.

– Невероятно, – удивился охранник.

– Я же сказал, этим меня не удержать. Как и вообще ни в тюрьме, ни в больнице.

– Томми? – спросила Джуди.

– Да, черт возьми! – фыркнул он.

– Иди сюда, – сказал Гэри, затаскивая его в переговорную. – Надо поговорить.

Томми вырвал руку.

– В чем дело?

– У нас хорошие новости, – ответила Джуди.

– Доктор Джордж Хардинг предложил поместить тебя в больницу Хардинга для наблюдения и лечения перед судом, – сказал Гэри.

– И что это значит?

– Возможны два варианта, – объяснила Джуди. – Либо тебя в какой-то момент сочтут в состоянии предстать перед судом и назначат время, либо скажут, что ты уже не будешь способен пройти через судебный процесс, и тогда обвинения будут сняты. Прокурор согласен, судья Флауэрс отдал приказ на следующей неделе перевести тебя отсюда в больницу Хардинга. На одном условии.

– Вечно какие-то условия, – ответил Томми.

Гэри подался вперед и уперся в стол указательным пальцем.

– Доктор Уилбур сказала судье, что множественные личности держат обещания. Она понимает, насколько важным это будет для всех вас.

– И?

– Судья говорит, что тебя можно отправить в больницу прямо сейчас, если ты поклянешься, что не будешь пытаться оттуда сбежать.

Томми сложил на груди руки.

– Черт. Этого я не обещаю.

– Но надо! – закричал Гэри. – Бог ты мой, мы работали как проклятые, чтобы тебя не вернули в Лайму, а ты теперь вот так?

– Ну, просто это неправильно, – ответил Томми. – Это мой главный талант. Основной повод меня выпускать. А меня лишают права им пользоваться.

Гэри так вцепился в собственные волосы, словно хотел их выдрать.

Джуди положила руку Томми на плечо.

– Томми, ты должен это пообещать. Если не ради себя, то хотя бы ради детей. Ради малышей. Ты же понимаешь, что здесь им плохо. А в больнице о них позаботятся.

Юноша опустил руки, уставился в стол, и Джуди поняла, что нашла верный подход. Она к этому времени уже поняла, что все личности сильно любят младшеньких и чувствуют за них ответственность.

– Ладно, – неохотно выдавил он, – обещаю.

Томми не сказал, что когда только услышал, что его могут перевести обратно в Лайму, купил у надежного человека лезвие. И на момент разговора оно было приклеено к подошве левой ноги. Признаваться в этом причин не было – его же не спрашивали. Он уже давно выучил правило: когда тебя переводят из одного казенного дома в другой, всегда бери с собой оружие. Он не будет пытаться бежать, потому что обещал, но хотя бы сможет защититься от изнасилования. Или отдаст Билли, чтобы тот перерезал себе горло.

За четыре дня до назначенного перевода в больницу Хардинга в камеру Миллигана пришел сержант Уиллис. Он хотел, чтобы Томми показал ему, как снимает смирительную рубашку.

Юноша хмуро смотрел на поджарого полицейского; тот уже начал лысеть, и смуглое лицо обрамляли седые волосы.

– Зачем мне это?

– Тебя все равно отсюда переводят, – ответил Уиллис. – А я еще не настолько стар и не откажусь узнать что-нибудь новенькое.

– Сержант, вы ко мне хорошо относились, но я так с полпинка свои секреты не выдаю.

– Ну, например, ты этим мог бы помочь спасти кому-нибудь жизнь.

Перед этим Томми отвернулся, но теперь снова посмотрел на полицейского – с любопытством.

– Как это?

– Я знаю, что ты не больной. Но у нас тут есть больные. На них мы надеваем рубашки в целях защиты. Если они их снимут, то покончат с собой. А если ты покажешь, как это сделал, мы что-нибудь придумаем, чтобы этого не могли другие. И люди будут спасены.

Томми пожал плечами, делая вид, что это его не интересует.

Но на следующий день он показал Уиллису, как это делается. И как надеть рубашку так, чтобы ее ни за что было не снять.

Поздним вечером того же дня Джуди позвонила Дороти Тернер.

– Есть еще одна, – сказала Тернер.

– Кто?

– Еще одна личность, о которой мы не знали. Девятнадцатилетняя девушка Адалана.

– Боже! – прошептала Джуди. – Значит, их десять.

Дороти рассказала, как только что ходила в тюрьму и увидела, что Миллиган сидит на полу и очень нежно рассказывает о том, как нуждается в любви. Дороти села рядом, утешила, вытерла слезы. И «Адалана» поведала ей, что тайком пишет стихи. Плача, она призналась, что может по своему желанию убрать человека из пятна. И до настоящего момента о ее существовании было известно лишь Артуру и Кристине.

Джуди попыталась вообразить себе это: Дороти сидит на полу, обнимает Миллигана.

– А почему она сейчас решила показаться? – поинтересовалась Джуди.

– Адалана винит себя в том, что случилось с мальчиками, – ответила Дороти. – Это она украла время у Рейджена, когда произошли изнасилования.

– Что?

– Адалана сказала, что сделала это от отчаяния: ей очень хотелось, чтобы ее обнимали, ласкали, любили.

– Значит, Адалана...

– Она лесбиянка.

Повесив трубку, Джуди еще очень долго смотрела на телефон. Муж поинтересовался, что ей такого рассказали. Она уже было раскрыла рот, чтобы ответить, но лишь покачала головой и выключила свет.

Глава третья

1

Билли Миллигана перевели из окружной тюрьмы Франклина в больницу Хардинга на два дня раньше назначенного срока, утром 16 марта. Доктор Джордж Хардинг к тому времени собрал команду терапевтов, которым предстояло заниматься новым пациентом, и ввел их в курс дела, но сам во время преждевременного приезда больного находился на рабочей встрече в Чикаго.

Джуди Стивенсон с Дороти Тернер поехали вслед за полицейской машиной до больницы. Они понимали, насколько ужасным будет возвращение Дэнни в тюрьму. Доктор Шумейкер, штатный врач, пообещал лично наблюдать за пациентом до приезда доктора Хардинга, и заместитель шерифа передал ему заключенного.

Джуди и Дороти пошли вместе с Дэнни в Уэйкфилд-коттедж, психиатрическое отделение закрытого типа, рассчитанное на четырнадцать острых пациентов, которым требуется постоянное наблюдение и повышенное внимание. Для Миллигана подготовили кровать в одной из двух палат «повышенного внимания». Палата закрывалась на тяжелую дубовую дверь с окошком, которое позволяло вести круглосуточное наблюдение. Санитар (которых в больнице Хардинга называли психотехниками) принес поднос с обедом, Дэнни принялся за еду, а женщины остались с ним.

После обеда к ним подошел доктор Шумейкер и три медсестры. Тернер, которая считала крайне важным, чтобы персонал увидел, как проявляется синдром множественной личности, предложила Дэнни позвать Артура, чтобы он мог познакомиться с людьми, которым предстоит с ним работать.

Сестра Эдриен Маккен, координатор отделения, входила в группу терапевтов, которой предстояло работать с Миллиганом, и знала, о чем идет речь, но для двух других сестер это было полнейшей неожиданностью.

Донне Эгар, матери пяти дочерей, было трудно справиться с эмоциями, охватившими ее при встрече с «насильником из кампуса». Она пристально наблюдала за маленьким мальчиком, потом взгляд у него застыл, как в трансе, губы беззвучно зашевелились во внутреннем диалоге. Когда Миллиган, наконец, поднял глаза, взгляд его был строгим и даже высокомерным. Он заговорил с британским акцентом.

Донна с трудом сдерживалась, чтобы не засмеяться, поскольку ни Дэнни, ни Артур не убедили ее в собственной реальности – скорее это лишь гениальный актер, стремящийся избежать тюрьмы. Но все равно ее интересовала личность Билли Миллигана, и хотелось понять, что за человек может вести себя, как он.

Дороти и Джуди поговорили с Артуром, заверив, что он в безопасности. Дороти пообещала, что вскоре зайдет, чтобы провести несколько психологических тестов. Джуди с Гэри тоже собирались время от времени навещать Миллигана, чтобы обсуждать подробности по его делу.

Психотехник Тим Шепард каждые пятнадцать минут заглядывал к новому пациенту через окошко и делал записи:

«5:00. Тихо сидит на кровати, скрестив ноги.

5:15. Сидит на кровати, скрестив ноги, смотрит перед собой.

5:31. Стоит, смотрит в окно.

5:45. Подали ужин.

6:02. Сидит на краю кровати, смотрит перед собой.

6:07. Забрали поднос, поел хорошо».

В семь пятнадцать Миллиган начал ходить.

В восемь зашла сестра Хелен Йегер, провела с ним сорок минут. Первая сделанная ей запись о пациенте была краткой:

«16.03.78. Мистер Миллиган остается в отделении повышенного внимания – за ним ведется пристальное наблюдение в целях особой предосторожности. Разговаривали о его множественных личностях. Почти все время со мной общался “Артур” – с английским акцентом. Заявил, что одна из личностей, Билли, склонен к суициду и спит с 16 лет – таким образом других защищают от потенциального вреда. Ест хорошо. Испражняется регулярно. Пищевых реакций не наблюдается. В общении приятный».

Когда медсестра Йегер ушла, Артур тихонько сообщил остальным, что в этой больнице безопасно и хорошо. Поскольку для помощи врачам в лечении необходим разум и логика, то теперь он, Артур, будет полностью контролировать пято.

В два двадцать пять ночи психотехник Крис Кэн услышал доносившийся из палаты громкий шум. Он подошел посмотреть и увидел, что пациент сидит на полу.

Томми расстроился, что упал с кровати. Через несколько секунд он услышал шаги и увидел, что на него смотрят. Как только шаги удалились, Томми снял лезвие с ноги и хорошенько его припрятал, приклеив снизу ко дну кровати. Когда придет время, он достанет его оттуда.

2

Доктор Джордж Хардинг, вернувшийся из Чикаго 19 марта, остался недоволен тем фактом, что его тщательно продуманный план оказался нарушен преждевременным переводом. Он собирался лично встретить Миллигана. Доктор Хардинг вложил много сил в то, чтобы собрать терапевтическую команду, состоявшую из психолога, специалиста по арт-терапии, второго терапевта, социального работника, занимающегося пациентами психиатрических клиник, врачей, медсестер, психотехников и координатора отделения Уэйкфилд. С ними он уже обсудил сложности, связанные с диссоциативным расстройством личности. Когда кто-то открыто признавал, что не верит в этот диагноз, Хардинг внимательно выслушивал, делился собственными сомнениями и просил помочь выполнить приказ суда. Предупредил, что всем лучше относиться к данному пациенту непредвзято и совместно попытаться понять природу Уильяма Стэнли Миллигана.

На следующий день после возвращения доктора Хардинга доктор Перри Айрес изучил состояние физического здоровья пациента. В медицинской карте он написал, что Миллиган часто шевелил губами и скашивал глаза вправо, как правило, перед ответом на какой-либо вопрос. Когда врач спросил, зачем он так делает, тот ответил, что совещается с другими, особенно с Артуром, чтобы правильно ответить.

– Но вы зовите нас Билли, – попросил Миллиган, – чтобы никто не подумал, что мы сумасшедшие. Я Дэнни. А анкету заполнял Аллен. Но я про других не должен рассказывать.

Доктор Айрес процитировал это в своем отчете, добавив следующее:

«Изначально мы договорились, что постараемся вести речь исключительно о Билли, с учетом того что информацию о здоровье всех личностей будет предоставлять нам Дэнни. Но поскольку ему не удалось придерживаться этого соглашения, стали известны и другие имена. Единственное заболевание, о котором он помнит, – это грыжа, удаленная, когда Билли было

девять лет, – “Дэвиду всегда девять”, и именно он проходил через это. Аллен страдает туннельным зрением, у остальных оно нормальное...

Примечание: прежде чем начать осмотр, я подробно объяснил ему, что именно буду делать. Я подчеркнул, что обязательно надо посмотреть на место иссечения грыжи, а также провести ректальное исследование, чтобы проверить состояние предстательной железы по причине наличия гноя в моче (пиурия). Он очень разволновался, губы и глаза быстро задвигались, видимо, он обсуждал это с остальными. Потом обеспокоенно, но вежливо он ответил, что “от этого может стать хуже Билли и Дэвиду, потому что когда они жили на ферме, Челмерс четырежды изнасиловал их. Челмерс – это наш отчим”. В этом же разговоре пациент добавил, что женщина, которую в семейной истории Билли называют его матерью, “не моя мать – я своей матери не знаю”».

Розали Дрейк и Ник Чикко, терапевты, работающие в Уэйкфилд-коттедже с мини-группами, общались с Миллиганом ежедневно – больше всех остальных. Каждый день в десять часов утра и в три часа дня семь-восемь пациентов отделения собирались вместе и занимались каким-либо делом.

21 марта Ник вывел Миллигана из его палаты повышенного внимания, которая к этому времени уже запиралась лишь на ночь, в комнату, предназначенную для групповой работы. Стройный двадцатисемилетний психотехник с большой бородой и двумя сережками в левом ухе (одна – тоненькое золотое кольцо, вторая – с нефритом) знал, что Миллиган не любит мужчин из-за пережитого в детстве насилия. Расстройство множественной личности Ника интересовало, но относился он к этому диагнозу скептически.

Розали, голубоглазая блондинка под тридцать, специалист по трудотерапии, столкнулась с множественной личностью впервые. Но после рассказа доктора Хардинга о новом пациенте она заметила, что весь персонал мгновенно разделился на два лагеря: те, кто верил в расщепление личности Миллигана, и те, кто считал его мошенником, который лишь изображал редкое заболевание, чтобы не сидеть в тюрьме за совершенные изнасилования. Розали изо всех сил старалась не принимать поспешных решений.

Когда Миллиган расположился за угловым столом, подальше от остальных, Розали Дрейк сообщила ему о принятом накануне общем решении: вся группа будет делать коллажи, которыми участники хотят рассказать что-нибудь о себе какому-то любимому человеку.

– Мне делать некому, я никого не люблю, – ответил он.

– Тогда сделай для нас, – предложила Розали. – Все будут участвовать, – она взяла в руки лист картона, – и мы с Ником тоже.

Она стала присматривать за ним издали. Миллиган взял лист формата А4 и принялся вырезать из журналов фотографии. Розали уже слышала, что он талантлив, поэтому, наблюдая за тихим стеснительным пациентом, с нетерпением ждала, что же у него получится. Работал он молча и умиротворенно. Когда он закончил, Розали подошла посмотреть.

Коллаж ее поразил. Посередине листа оказался перепуганный и заплаканный ребенок, смотревший прямо на нее, а под ним стояла подпись «Моррисон». Над мальчиком нависал какой-то злой человек, рядом с ним было приклеено красное слово «опасность», а в правом нижнем углу – череп.

Розали тронула простота послания и эмоциональная глубина работы. Розали ни о чем подобном не просила и не ждала. Ей показалось, что коллаж демонстрирует очень болезненное прошлое. Когда она смотрела на него, у нее по коже бежали мурашки, и она поняла, что попала. Коллеги могут сомневаться, но это точно не произведение бесчувственного социопата. Ник Чикко с ней согласился.

Доктор Джордж (которого так называли коллеги и пациенты, чтобы не путать с отцом, доктором Джорджем Хардингом-старшим) изучил публикации по теме в специализирован-

ных журналах и выяснил, что расстройство множественной личности в последнее время стало встречаться чаще. Помимо этого, он обзвонил нескольких психиатров, и все они заявили буквально одно и то же: «Мы готовы рассказать все, что знаем, но информации у нас мало, мы многого еще не понимаем. По большей части вам придется разбираться самому».

Доктор Джордж понял, что придется затратить куда больше времени и сил, чем он предполагал изначально, и усомнился в правильности своего решения принять пациента – ведь они как раз затеяли сбор средств на расширение больницы. Но он утешал себя тем, что это важно для Билли Миллигана, для психиатрии, для расширения границ известного о человеческой психике.

Прежде чем Хардинг напишет заключение для суда, ему предстояло побольше разузнать о жизни Билли Миллигана. С учетом обширной амнезии пациента это представлялось серьезной проблемой.

В четверг 23 марта Гэри Швайкарт и Джуди Стивенсон пришли к своему клиенту на час, в течение которого он пересказал им свои скудные воспоминания о происшедшем. Адвокаты сопоставили его рассказ с тем, что говорили три жертвы, и продумали альтернативные стратегии защиты, которые будут зависеть от того, что доктор Хардинг напишет для суда.

Оба адвоката отметили, что Миллиган казался более спокойным, хотя и выражал недовольство тем, что его заперли в отделении повышенного внимания и заставляют носить «особую безопасную одежду».

– Доктор Джордж говорит, чтобы ко мне относились как к остальным пациентам, но никто тут мне не доверяет. Другим можно ездить в фургоне на экскурсии, а мне – нет. Я вынужден сидеть здесь. И меня бесит, что они так настойчиво зовут меня Билли.

Гэри и Джуди постарались успокоить Миллигана, объяснить, что доктор Джордж и так сильно рискнул, взяв его в свою больницу, и теперь вынужден соблюдать осторожность и не испытывать терпение других врачей. Джуди решила, что разговаривает с Алленом, но не спросила, поскольку боялась, что он обидится, когда поймет, что она его не узнает.

– Думаю, тебе лучше быть со здешним персоналом заодно. Это твой единственный шанс не попасть в тюрьму, – добавил Гэри.

Уходя, оба они облегченно пришли к выводу, что Миллиган теперь в безопасности и с их плеч временно свалились повседневные заботы и обязанности.

В тот же день состоялась первая терапевтическая сессия; эти сорок пять минут показались доктору Хардингу непростыми. Миллиган сидел в кабинете в Уэйкфилде на стуле лицом к окну, поначалу избегая зрительного контакта. Казалось, он помнит о своем прошлом очень мало, зато он свободно говорил о том, как издевался над ним отчим.

Доктор Хардинг осознал, что выбрал чрезмерно осторожный подход. Доктор Уилбур рекомендовала ему как можно скорее разобраться в том, сколько у пациента личностей, и установить, что это за люди. Надо попросить их рассказать о причинах их существования и дать им возможность пережить момент их появления.

Затем следовало подвести личностей к знакомству, к общению, чтобы они начали помогать друг другу в решении различных проблем, делиться опытом и переживаниями, а не разъединяться. По словам Уилбур, стратегия заключается в том, чтобы объединить личностей, после чего ознакомить Билли, ядро, с воспоминаниями, связанными с их появлением. И, наконец, попытаться произвести слияние. И хотя искушение испробовать этот подход было очень велико – ведь доктор Уилбур так ловко вызвала различные личности Миллигана на встрече в тюрьме, – Джордж Хардинг был уже терапевтом опытным и давно понял, что методы, которыми успешно пользуются коллеги, не всегда эффективны в его исполнении. Он себя считал человеком консервативным и решил разбираться самостоятельно. И в свое время ему станет понятно, с чем он имеет дело.

Время шло, и сестра Донна Эгар заметила, что у нее с Миллиганом сложились довольно доверительные отношения. Он очень мало спал, куда меньше, чем большинство пациентов, рано вставал и много разговаривал с Донной. Он поведал ей, кто еще живет в его теле.

Как-то пациент подал ей исписанный листок с подписью «Артур».

– Но я никого по имени «Артур» не знаю и не понимаю, что тут написано, – испуганно признался он.

Вскоре персонал больницы начал жаловаться доктору Джорджу, что работать с человеком, который постоянно говорит «Я этого не делал, это был кто-то другой», становится все сложнее, ведь они видели все собственными глазами. По их словам, Миллиган подрывал лечение остальных пациентов, манипулировал персоналом, переходя от одного к другому, чтобы добиться желаемого. А еще постоянно как бы намекал на то, что может появиться Рейджен и «разобраться», – и им виделась в этом завуалированная угроза.

Доктор Джордж предложил, что с множественными личностями Миллигана будет разбираться исключительно он сам, и то только во время терапевтических сессий. А персонал больницы не должен ни упоминать его других имен, ни обсуждать его на территории отделения, в особенности в присутствии других пациентов.

Хелен Йегер, сестра, беседовавшая с Артуром в день его прибытия, 28 марта записала в журнале для медсестер план терапии:

«В течение месяца мистер Миллиган должен взять на себя ответственность за свои поступки, за которыми его застали другие, перестав их отрицать.

План

1. Когда пациент будет отрицать, что умеет играть на пианино, персонал должен говорить, что видели или слышали, как он играет, спокойно констатируя этот факт.

2. При появлении рукописных текстов, которые пациент не признает, персонал должен говорить, что видели, как он их писал.

3. Если пациент будет говорить о себе как о другом человеке, персонал должен напоминать ему, что его зовут Билли».

В ходе терапии доктор Джордж объяснил Аллену свой подход, обратив внимание на то, что остальных пациентов отделения смущают имена других личностей.

– Но кто-то называет себя Наполеоном или Иисусом Христом, – возразил Аллен.

– В твоем случае речь о другом, и в это оказывается вовлечен персонал – сегодня ты у них Дэнни, завтра Рейджен, или Томми, или Аллен. Так что я предлагаю, чтобы в общении с работниками больницы и другими пациентами все твои личности откликались на имя Билли, пока ты...

– Доктор Джордж, это не «личности». Это люди.

– Почему ты проводишь такое различие?

– Когда вы говорите «личности», кажется, что вы не верите в их реальность.

3

8 апреля, через несколько дней после того, как Дороти Тернер начала программу психологического тестирования, Донна Эгар увидела, что Миллиган ходит по своей палате туда-сюда с сердитым видом. Когда она поинтересовалась, что с ним, он ответил с английским акцентом:

– Никто ничего не понимает.

Потом он снова переменялся – и лицо, и стать, и походка, и манера речи, и Донна поняла, что теперь это Дэнни. К этому моменту она уже заметила, что различные личности Миллигана отличаются постоянством в себе и кажутся вполне реальными, так что Донна уже не думала, что он притворяется. Но понимала, что всецело верит ему из всех только она.

Несколько дней спустя он пришел к ней крайне опечаленный. Донна сразу же снова узнала Дэнни. Уставившись на нее, он жалостно спросил:

– Почему я здесь?

– В каком смысле? – спросила она. – В комнате, в доме?

Он покачал головой.

– Некоторые пациенты спрашивали меня, почему меня поместили в эту больницу.

– Может, Дороти Тернер объяснит, когда придет на тестирование.

Вечером того же дня, закончив работу с Дороти Тернер, Миллиган отказался с кем-либо разговаривать. Он убежал к себе и отправился в ванную умыться. Через несколько секунд Дэнни услышал, что дверь в его комнату сначала открылась, потом закрылась. Выглянув, он увидел одну из пациенток, молодую женщину по имени Дорин. Хотя он зачастую с сочувствием выслушивал ее проблемы и рассказывал о своих, в остальном она его не интересовала.

– Зачем пришла? – спросил Дэнни.

– Хотела с тобой поговорить. Ты из-за чего так расстроился?

– Ты же знаешь, что тебе нельзя сюда заходить, это против правил.

– Но ты кажешься таким грустным.

– Я узнал, что кое-кто наделал. Ужасное. Я не должен жить.

Послышались шаги, затем стук в дверь. Дорин бросилась в ванную и закрыла за собой дверь.

– Зачем ты это делаешь? – строго прошептал он. – У меня еще хуже проблемы будут. Настоящий бардак.

Она захихикала.

– Так, Билли, Дорин! – сказала сестра Йегер. – Выходите оба, когда будете готовы.

9 апреля 1979 года она сделала следующую запись:

«Мистер Миллиган, которого застали в его ванной комнате с пациенткой женского пола – и без света, – на поставленный вопрос ответил, что ему надо было побыть с ней наедине, чтобы обсудить то, что он о себе выяснил. Это было связано с тем, что в ходе сегодняшнего психологического тестирования с миссис Тернер он узнал, что изнасиловал трех женщин. Он много плакал, говорил, что хочет, “чтобы Рейджен и Адалана умерли”. Позвали доктора Джорджа, объяснили инцидент. Помещен в палату повышенного внимания с особыми мерами предосторожности. Через несколько минут пациента застали на постели с поясом от банного халата. Он все еще плакал и сказал, что хотел *их* убить. После беседы отдал пояс. А до этого завязывал его себе на шее».

По результатам тестирования Дороти Тернер обнаружила значительную разницу в коэффициенте умственного развития личностей:

	Речевой	Поведенческий	Общий
Аллен	105	130	120
Рейджен	114	120	119
Дэвид	68	72	69
Дэнни	69	75	71
Томми	81	96	87
Кристофер	98	108	102

Кристин была слишком мала для исследования, Адалана не захотела выйти, а Артур делать именно этот тест отказался, заявив, что это ниже его достоинства.

По тесту Роршаха Тернер выявила у Дэнни едва скрываемую враждебность и потребность во внешней поддержке, чтобы не чувствовать себя слишком уж ничемным и неправильным. Томми продемонстрировал большую зрелость, а также большой потенциал к показным дей-

ствиям. Он оказался и сильнее всех склонен к шизоидному типу личности, меньше всех заботился о других. Максимальный потенциал к насильственному поведению отмечен у Рейджена.

Артур оказался наиболее мыслящим, и, по мнению Дороти Тернер, удерживать главенствующую позицию ему удавалось именно с помощью интеллекта. Ей также показалось, что у Артура развито ощущение превосходства над окружающим миром как защитная функция, но в то же время он испытывает тревожность и боится эмоциональных ситуаций. Что касалось чувств, Аллен был практически полностью отстраненным человеком.

У личностей наблюдалось и кое-что общее: выраженные женственные признаки, сильное суперэго, которое могло быть подавлено гневом. Свидетельств психоза или шизофрении Дороти Тернер не обнаружила.

19 апреля, когда Розали Дрейк с Ником Чикко объявили, что мини-группе предстоит делать упражнения на доверие, Артур выпустил в пятно Дэнни. Предварительно в общей комнате соорудили полосу препятствий из столов, стульев, кушеток и досок.

Зная, что Миллиган боится мужчин, Ник предложил, чтобы с ним работала напарница. Предстояло надеть пациенту на глаза повязку и провести через комнату.

– Билли, давай, – сказала Розали, – только так ты сможешь научиться доверять людям, чтобы жить потом среди них.

Наконец, он позволил ей завязать ему глаза.

– Хорошо, держи меня за руку, – скомандовала она. – Я проведу тебя мимо всех препятствий и буду следить, чтобы ты не ударился.

По мере выполнения упражнения она видела, какой ужас у Дэнни вызывает то, что он не знает, куда идет и на что может наткнуться. Поначалу они двигались очень медленно, потом пошли быстрее, обходя стулья, проползая под столами, поднялись и спустились по лестнице. Понимая, насколько Миллигану страшно, Ник с восхищением смотрел, как он справляется.

– Ну, ты не ударился, мне удалось тебя защитить, да, Билли?

Дэнни кивнул.

– Тебе надо привыкнуть к мысли, что некоторым людям доверять можно. Не всем, разумеется, но кому-то – вполне, это безопасно.

Розали обратила внимание, что в ее присутствии он чаще всего бывал мальчиком Дэнни. Но ее очень расстраивало, что большинство его рисунков говорило о смерти.

В следующий вторник Аллена впервые отвели в корпус дополнительной терапии на занятие по изобразительному искусству, где ему представилась возможность порисовать.

Дона Джонса, арт-терапевта с мягким характером, впечатлил природный талант Миллигана, но он заметил, что в незнакомой группе новый пациент беспокоится и упрямится. Терапевт понял, что причудливые рисунки Билли – это способ привлечь внимание и получить похвалу.

Джонс показал его набросок, на котором была изображена надгробная плита с надписью «Не покойся с миром».

– Билли, не расскажешь ли ты нам о своей работе? Что ты чувствовал, когда рисовал это?

– Это настоящий отец *Билли*, – ответил Аллен. – Он был комиком и конференсье, жил в Майами, во Флориде, а потом покончил с собой.

– Может, все же скажешь, что ты чувствовал, Билли? Меня пока больше интересуют эмоции, а не события.

Аллен недовольно отшвырнул карандаш – ему не нравилось, что похвала за его рисунок достается Билли, и посмотрел на часы.

– Мне нужно вернуться в свой корпус и заправить постель.

На следующий день он заговорил с медсестрой Йегер о своей терапии, жалуясь, что все делается неправильно. Когда сестра сказала, что он мешает персоналу и другим пациентам, Миллиган расстроился.

– Я не могу отвечать за то, что делают другие люди, – ответил он.

– Мы не вправе обсуждать других людей, – сказала Йегер, – только Билли.

– Доктор Хардинг делает не то, что сказала доктор Уилбур. Его лечение – плохое, – прокричал он.

Миллиган потребовал, чтобы ему дали прочесть его карту, Йегер ответила отказом, и он пригрозил, что знает способ заставить врачей предоставить ему доступ к этой информации. И добавил, что персонал наверняка не фиксирует перемены в поведении и не сможет впоследствии дать объяснение потерянное времени.

Вечером после визита доктора Джорджа Томми объявил работникам больницы, что увольняет своего врача. Через некоторое время из палаты вышел Аллен и сказал, что берет его обратно.

Дороти Мур, мать Миллигана, получив разрешение посещать сына, стала приезжать почти каждую неделю, часто с дочерью Кэти. Реакции Билли оказались непредсказуемыми. Иногда после этих встреч он становился радостным и общительным, иногда впадал в депрессию.

Соцработник Джоан Уинслоу на встрече группы доложила, что разговаривала с Дороти после каждого ее визита. Она производила впечатление доброго и щедрого человека, но Уинслоу казалось, что ее робость и зависимое положение не дали ей возможности вмешаться, когда над сыном совершалось насилие, о котором он говорил. Дороти сказала, что всегда жила с ощущением, что у нее два Билли – один был добрым и нежным мальчиком, а второй не задумываясь вредил другим.

Ник Чикко зафиксировал, что 18 апреля после визита миссис Мур Миллиган казался очень расстроенным, закрылся в своей палате и положил на голову подушку.

В конце апреля, когда прошла половина назначенного срока, то есть шесть из двенадцати недель, доктор Джордж подумал, что ситуация развивается слишком медленно. Ему надо было каким-то образом установить связь между порожденными личностями и «оригиналом», настоящим Билли. Но для начала предстояло пробиться к этому Билли и установить с ним контакт, а самого его доктор Джордж не видел с того воскресенья, когда доктору Уилбур удалось уговорить Рейджена его выпустить.

Доктору Джорджу пришла идея продемонстрировать ключевой личности видеозаписи с его альтер-эго, на которых была бы видна разница в их поведении и манерах речи. Он поделился этой мыслью с Алленом, рассказав, насколько важно, чтобы личности общались как друг с другом, так и с самим Билли. Аллен согласился.

Через некоторое время он поделился с Розали радостью от того, что его снимут на пленку. Миллиган волновался из-за этого, но доктор Джордж убедил его, что таким образом он сможет многое о себе узнать.

Первая видеозапись была сделана 1 мая в присутствии Дороти Тернер: доктор Джордж знал, что Билли с ней чувствует себя свободно, и, кроме того, хотел, чтобы в пятно встала Адалана. Поначалу он не собирался выпускать новых людей, но понял, что это необходимо для того, чтобы оценить важность женского аспекта в структуре личности Миллигана.

Психиатр несколько раз повторил, как полезно было бы, чтобы Адалана вышла и поговорила с ними. Наконец после нескольких смен ролей лицо Миллигана приобрело мягкое слезливое выражение. Он заговорил сдавленно, через нос. Лицо стало почти женским. Глаза дергались.

– Мне больно говорить, – сказала Адалана.

Доктор Джордж попытался скрыть, как его взволновала эта перемена. Он хотел, чтобы девушка вышла, он ждал этого. Но все равно он был удивлен.

– Почему? – спросил терапевт.

– Из-за парней. Потому что у них из-за меня проблемы.

– Что ты наделала? – поинтересовался он.

Дороти Тернер, уже встречавшаяся с Адаланой накануне перевода Миллигана в больницу, молча наблюдала.

– Они не понимают, что такое любовь, – сказала «девушка». – Каково это, когда тебя обнимают, ухаживают за тобой. Я украла то время. Я почувствовала, что Рейджен перебрал алкоголя и таблеток. Трудно об этом говорить...

– Понимаю, но нужно, – ответил доктор Джордж, – чтобы нам стало понятно.

– Я это сделала. Но теперь уже поздно извиняться, да? Я испортила мальчикам жизнь...

Но они не понимали...

– Чего? – переспросила Тернер.

– Что такое любовь. Что такое потребность в любви. В том, чтобы тебя обняли. Просто ощущать тепло и заботу. Я не знаю, что меня толкнуло на это.

– Ты в тот момент испытывала тепло и заботу? – спросила Тернер.

После паузы Адалана прошептала:

– Всего чуть-чуть... я украла время. Артур не пускал меня в пятно. Я силой воли изгнала Рейджена...

Она принялась смотреть по сторонам со слезами в глазах.

– Мне не нравится, что происходит. Я не могу выступить в суде. Я не хочу говорить с Рейдженем... Я хотела бы уйти от парней. Не хочу больше портить им жизнь... Черт, я так перед ними виновата... Ну почему я это сделала?

– А когда ты впервые вышла в пятно? – спросил доктор Джордж.

– Прошлым летом я начала красть время. И когда мальчики были в одиночной камере в Лебаноне, воровала, чтобы писать стихи. Я так люблю их сочинять... – она расплакалась. – Что они сделают с парнями?

– Мы этого не знаем, – мягко ответил доктор Джордж, – мы пытаемся разобраться во всем как можно лучше.

– Но не делайте им слишком больно, – попросила Адалана.

– Ты знала, что замышлялось, накануне тех событий в октябре прошлого года? – спросил врач.

– Да. Я знаю все. Даже такое, чего не знает Артур... Но я не смогла этого остановить. Я почувствовала воздействие таблеток, алкоголя. Я не знаю, почему я это сделала. Мне было так одиноко.

Она шмыгнула носом и попросила платочек.

Доктор Джордж внимательно смотрел на Адалану, на выражение ее лица, ведя расспрос очень деликатно, опасаясь спугнуть.

– Были ли у тебя друзья, с которыми... тебе было хорошо? Которые помогали как-то справиться с одиночеством?

– Я никогда ни с кем не разговариваю. Даже с парнями... Только с Кристин.

– Ты сказала, что вставала в пятно летом и в тюрьме Лебанона. А до этого?

– В пятне я не бывала. Но я была. Я с ними уже давно.

– С тех пор, когда Челмер...

– Да! – перебила она. – Не упоминайте его.

– Ты знакома с матерью Билли?

– Нет! Она сама даже с мальчиками не знакома.

– А с сестрой Кэти?

– Да, с Кэти я общалась. Но, наверное, она об этом не знала. Мы вместе ходили по магазинам.

– А с братом Джимом?

– Нет... Он мне вообще не нравится.

Адалана вытерла глаза и откинулась на спинку стула, посмотрела на видеокамеру, удивилась, зашмыгала носом. Потом надолго смолкла, и доктор Джордж понял, что она ушла. Он посмотрел на сидевшего перед ним человека со стеклянным взглядом и задумался о том, кто же выйдет следующий.

– Было бы очень хорошо, – мягко подтолкнул он, – если бы мы могли поговорить с Билли.

С изумленным и испуганным видом Миллиган, осматриваясь, принялся крутить головой. Доктор Джордж узнал лицо, которое уже видел в тюрьме, когда доктор Уилбур вызывала его, Билли, основную личность.

Доктор Джордж и с ним разговаривал очень мягко, боясь, что Билли уйдет прежде, чем он успеет наладить контакт. У Билли от страха дрожали колени, глаза испуганно бегали.

– Знаешь ли ты, где ты? – поинтересовался терапевт.

– Нет, – ответил Билли, пожав плечами, словно отвечал на вопрос учителя, подразумевавший однозначный ответ, и не знал, правильный ли вариант он выбрал.

– Ты в больнице, я твой врач.

– Боже, он меня убьет, если я буду говорить с врачом.

– Кто?

Билли снова осмотрелся, заметил смотревшую на него камеру.

– Что это?

– Это прибор, чтобы записать нашу беседу. Видеокамера, мы подумали, что будет полезно записать сессию, чтобы ты увидел, что происходит.

На этом Билли исчез.

– Это его испугало, – с презрением сказал Томми.

– Я объяснил, что это видеокамера...

Томми фыркнул:

– Он наверняка и не знает, что это такое.

Когда встреча закончилась и Томми ушел в Уэйкфилд, доктор Джордж еще долго сидел один у себя в кабинете и думал. Он понимал, что придется сообщить суду, что хотя Уильям С. Миллиган не сумасшедший в общепринятом смысле, то есть у него нет психоза (диссоциация считается неврозом), с медицинской точки зрения, поскольку Миллиган крайне далек от реальности, он все равно не может ни подчиняться закону, ни нести ответственность за содеянное.

Теперь оставалось лишь продолжать лечение пациента и каким-то образом привести его в состояние, в котором он сможет предстать перед судом.

Однако оставалось уже меньше половины определенного судом срока. Как за такое время вылечить подобную болезнь, ведь даже такой психоаналитик, как Корнелия Уилбур, работала с пациенткой Сибил более десяти лет?

На следующее утро Артур счел нужным рассказать Рейджену о том, что он узнал из видеозаписи беседы доктора Джорджа с Адаланой. Расхаживая по палате, он вслух разговаривал с Рейдженом:

– Загадка с изнасилованиями решена. Я знаю, кто это сделал.

Тут же зазвучал голос Рейджена:

– Как узнал?

– Мне стали известны кое-какие факты, я их сопоставил.

– И кто?

– Думаю, раз уж тебя обвиняют в преступлениях, которых ты не совершал, ты имеешь право знать.

Диалог с переключением ролей напоминал скоростную стрельбу, местами он звучал вслух, местами – только в голове.

– Рейджен, помнишь, раньше ты иногда слышал женские голоса?

– Да, я слышал Кристин. И да, голоса других женщин тоже говорили.

– Ну так вот, когда ты грабил, в октябре, три раза, тогда вмешалась одна из наших девушек.

– В смысле?

– У нас есть девушка, с которой ты не знаком, Адалана.

– Я никогда о ней не слышать.

– Она очень милая и тихая. Это она у нас всегда убирает и готовит. Она составляла букеты, когда Аллен устроился в цветочный магазин. Я просто никогда не думал, что...

– Она тут какое отношение иметь? Она брала деньги?

– Рейджен, нет. Она изнасиловала тех, кого ты ограбил.

– Она насиловать девушек? Артур, как она может насиловать девушек?

– Рейджен, ты слышал о лесбиянках?

– Ну, а как лесбиянка насилует другая девушка?

– Вот поэтому обвинили тебя. Когда в пятно выходит кто-то из мужчин, некоторые из них чисто физически способны заниматься сексом, хотя мы с тобой оба знаем, что мы все дали обет безбрачия. Она воспользовалась твоим телом.

– Ты говоришь, что меня обвинять за изнасилование, которое сделала эта сука?

– Да, но я хочу, чтобы ты с ней поговорил и позволил ей все тебе объяснить.

– Так вот почему весь разговор об изнасиловании? Я ее убивать.

– Рейджен, образумься.

– Образумься?

– Адалана, я хочу, чтобы ты познакомилась с Рейдженем. Поскольку он наш защитник, он имеет право знать, что произошло. Тебе придется как-то оправдаться перед ним, объяснить свое поведение.

В голове зазвучал тихий тонкий голос, словно откуда-то издалека, из темноты. Он был похож на галлюцинацию или голос из сна.

– Рейджен, прости меня за неприятности...

– Неприятности? – зарычал Рейджен, мечась из стороны в сторону. – Грязная шлюха! Ты почему ходишь насиловать женщин? Ты понимаешь, что всем за тебя достается?

Он резко развернулся, вышел из пятна, и в палате внезапно раздался женский плач.

В окошке показалось лицо медсестры Йегер.

– Билли, тебе помочь?

– Мадам, пойдите к чертям! – ответил Артур. – Оставьте нас!

Йегер ушла, расстроившись, что Артур на нее рывкнул. После этого Адалана попыталась объясниться.

– Рейджен, ты должен понять, у меня свои потребности, не как у остальных.

– Но какой, черт возьми, секс с женщины? Ты сама женщина.

– Вы, мужчины, этого не понимаете. Дети хотя бы знают, что такое любовь, что такое сострадание, что такое обнять кого-то и сказать «я тебя люблю, ты мне безразличен, у меня к тебе чувства».

– Так, я должен перебить, – вклинился Артур. – Мне всегда казалось, что физическое проявление любви алогично и анахронично с учетом достигнутого в последнее время научного прогресса...

– Вы ненормальные! – заорала Адалана. – Оба! – Потом ее голос снова стих. – Если бы вы только пережили что-то подобное, если бы вас кто-то обнимал и заботился о вас, вы бы поняли, что это такое.

– Слушай, сука! – рявкнул Рейджен. – Я плевать, кто ты и что ты. Если ты еще заговоришь с кем-то в отделении... да и вообще хоть с кем-то... я позабочусь, что ты сдохнешь.

– Минуточку, – сказал Артур, – в больнице решение принимаешь не *ты*. Здесь главный я. А ты меня слушаешься.

– И ты что, даешь ей уйти ненаказанной за это?

– Ни в коем случае. Этим я займусь. Но ты не имеешь права запрещать ей вставать в пятно. Ты это не решаешь. Ты и так проявил достаточную глупость, позволив ей украсть твое время. Ты не справился. Из-за твоей дурацкой водки, марихуаны и амфетаминов ты ослаб и жизнь Билли и остальных оказалась в опасности. Да, это сделала Адалана. Но ответственность на тот момент была на тебе, ты защитник. А ты ослаб и подставил не только себя, но и остальных.

Рейджен хотел что-то сказать, но вместо этого попятился. Заметив на подоконнике горшок с цветком, он махнул рукой и столкнул его на пол.

– Так вот, – продолжал Артур. – Я согласен с тем, что с настоящего момента Адалана будет отнесена к «нежелательным». Адалана, ты больше никогда не будешь вставать в пятно. И брать время.

Она пошла в угол, встала лицом к стене и выла до тех пор, пока не ушла с пятна.

После затянувшейся тишины вышел Дэвид и вытер слезы. Увидев на полу цветок, он уставился на него, понимая, что растение умирает. Ему тяжело было смотреть на обнаженные корни. Он прямо чувствовал, как цветок увядает.

Сестра Йегер принесла поднос с едой.

– Тебе точно не нужна помощь?

Дэвид съезжился.

– Меня посадят в тюрьму за убийство цветка?

Она поставила поднос и положила руку ему на плечо, стараясь поддержать.

– Нет, Билли. Никто тебя в тюрьму не посадит. Мы будем о тебе заботиться, мы вылечим тебя.

В понедельник 8 мая доктор Джордж выделил время в своем плотном графике на встречу Американской ассоциации психиатров, проходившую в Атланте. С Миллиганом он общался накануне в пятницу и на время отъезда назначил начало курса интенсивной терапии с руководящим психологом больницы, доктором Марлен Коукэн.

Марлен Коукэн была родом из Нью-Йорка и изначально сомневалась в диагнозе множественной личности, хотя открыто свое мнение никогда не выражала. Однажды после обеда, когда она беседовала с Алленом в своем кабинете, ее поприветствовала медсестра Донна Эгар.

– Привет, Марлен, как дела?

Аллен резко повернулся к ней.

– Марлен – так зовут девушку Томми, – выпалил он.

Именно в тот момент, увидев спонтанную реакцию, на обдумывание которой у него не было времени, доктор Коукэн предположила, что пациент все же не притворяется.

– Меня тоже так зовут, – сказала она. – А ты говоришь, что это подруга Томми?

– Ну, она не знает, что это Томми. Она всех нас называет Билли. Но Томми подарил ей обручальное кольцо. Она так и не узнала нашу тайну.

– Когда узнает, она будет просто в шоке, – задумчиво проговорила доктор Коукэн.

На встрече Ассоциации доктор Хардинг рассказал Корнелии Уилбур, как развиваются дела с Миллиганом, и добавил, что теперь он вполне верит в его множественную личность. Он также поведал, что Миллигану запретили пользоваться остальными именами прилюдно и к каким трудностям это приводит.

– Например, на групповой терапии у доктора Пульезе. Когда его просят рассказать, что его беспокоит, он говорит: «Мой врач запретил мне об этом разговаривать». Можете себе представить, как это действует на других пациентов. К тому же он стремится сам занять роль терапевта. Пришлось убрать его из группы.

– Вы должны понять, – ответила Уилбур, – насколько его личностям неприятно, что их не признают. Да, они привыкли отзываться на имя «Билли», но поскольку теперь это уже не секрет, они чувствуют себя отверженными.

Доктор Джордж подумал над этим и спросил, как Уилбур оценивает шансы вылечить Миллигана в такой короткий срок.

– Я считаю, что вам лучше попросить у судьи еще хотя бы девяносто дней. И попробовать объединить личности, чтобы он мог оказывать содействие адвокатам и предстать перед судом.

– Через две недели, 26 мая, назначен визит судебного психиатра штата Огайо, который должен будет составить заключение. Вы не могли бы приехать к нам в больницу на консультацию? Мне бы очень пригодилась ваша помощь.

Уилбур согласилась.

И хотя по графику встреча Ассоциации должна была длиться до пятницы, доктор Джордж уехал в среду. На следующий день он собрал всю команду, работавшую с Миллиганом, а после этого сообщил и остальному персоналу Уэйкфилда, что в ходе обсуждения с доктором Уилбур понял, что отказ признавать личности пациента не способствует терапии.

– Мы думали, что если игнорировать его расщепление, то может произойти интеграция, но получилось, что они лишь уходят в подполье. Мы будем продолжать работать на увеличение ответственности, но подавлять другие личности отныне прекратим.

Доктор Джордж отметил, что такой уровень слияния личностей, при котором Миллиган сможет предстать перед судом, достигим только в случае, если их признавать и работать с каждым по отдельности.

Розали Дрейк этому обрадовалась. Втайне она все равно относилась к ним всем по-разному, особенно к Дэнни. Теперь всем станет легче, поскольку не надо будет притворяться, что никакого расщепления нет, из-за нескольких человек, которые в него до сих пор не верят.

Донна Эгар с улыбкой зафиксировала новый план действий для медсестер, датированный 12 мая 1978 года:

«Мистеру Миллигану разрешается говорить о своих личностях, чтобы он мог высказывать чувства, которые ему до этого приходилось с трудом подавлять. Свидетельством этого должны стать его откровенные беседы с персоналом.

План

А. Не отрицать его диссоциацию.

Б. Когда он считает себя кем-то другим, расспрашивать о его чувствах».

4

В середине мая работу мини-группы перенесли в сад, и Розали Дрейк с Ником Чикко увидели, что Дэнни ужасно боится почвенной фрезы. Они начали работать по программе декомпенсации, постепенно прося Дэнни подойти к ней все ближе и ближе. Когда Ник заметил, что со временем он перестанет бояться и сможет даже управлять машиной, Дэнни чуть не упал в обморок.

Через несколько дней один из других пациентов Розали отказался участвовать в работе в саду. Аллен заметил, что он вообще частенько к ней цепляется.

– Это глупо! – кричал пациент. – Видно, что вы ни хрена не знаете о том, как ухаживать за садом.

– Ну, нам остается лишь стараться по мере сил, – ответила Розали.

– Тупая ты баба! – не унимался он. – Ни черта не смыслишь ни в садоводстве, ни в групповой терапии.

Аллен заметил, что Розали чуть не плачет, но промолчал. Он выпустил на время Дэнни, поработать с Ником. Позднее, в палате, Аллен попытался встать в пятно, но его отшвырнули так, что он ударился о стену. Такое мог сделать только Рейджен и только в момент, когда вот-вот должно произойти переключение.

– Боже, ты зачем так? – прошептал Аллен.

– Ты сегодня в саду допустил, что тот хам обидеть даму.

– Меня это не касалось.

– Ты правила знаешь. Когда женщине или ребенку делают плохо, ты не стоишь и не смотришь без дела.

– Ну, а *ты* почему ничего не сделал?

– Я не был в пятне. Это ты отвечал. Помни это, или другой раз полезешь в пятно, и я разбить тебе голову.

Когда на следующий день тот же пациент снова нахамил Розали, Аллен схватил его за ворот и сурово посмотрел в глаза.

– Выбирай выражения, черт тебя дерит!

Он надеялся, что пациент уймется. А если нет, Аллен решил, что уйдет и пропустит Рейджена, пусть дерется. Он-то возможности не упустит.

Розали Дрейк постоянно приходилось защищать Миллигана от тех, кто говорил, будто он лишь притворяется, чтобы избежать тюрьмы, от тех, кому не нравилось, что Аллен требует особых привилегий и настраивает персонал друг против друга, и тех, кому не нравилось высокомерие Артура или враждебность Томми. Она злилась, когда сестры начинали брюзжать, что любимчик доктора Джорджа отнимает слишком много времени, да и вообще расходов на него много. Часто повторяемая едкая шутка, что, мол, «о насильнике заботятся больше, чем о его жертвах», Розали всякий раз коробила. Когда пытаешься помочь психически больному, повторяла она, надо забыть о жажде мести и увидеть в нем человека.

Однажды утром Розали заметила, что Билли сидит на ступеньках Уэйкфилда и шевелит губами – разговаривает сам с собой. Произошла перемена. Он изумленно поднял взгляд, встряхнул головой, коснулся щеки.

Потом он увидел бабочку, протянул руку и поймал ее. Заглянув в дырочку между сложенными ладонями, он вскрикнул и вскочил на ноги. Потом раскрыл ладони, подбросил насекомое вверх, словно пытаясь помочь взлететь. Но бабочка упала на землю. Он уставился на нее со страдальческим выражением лица.

Розали подошла, он повернулся к ней в явном испуге и со слезами на глазах. У нее возникло необъяснимое ощущение, что с этой личностью она еще не встречалась.

Он поднял бабочку.

– Не летает больше.

Она тепло улыбнулась, не зная, рискнуть ли, назвав его по имени.

– Привет, Билли. Я так давно хотела с тобой познакомиться, – наконец прошептала она.

И Розали уселась рядом с Билли, который, обняв колени, в изумлении смотрел на траву, деревья и небеса.

Несколько дней спустя, во время работы в мини-группе, Артур снова позволил Билли встать в пятно и заняться лепкой из глины. Ник предложил ему слепить голову, и Билли трудился над ней целый час, сначала сформировав шар, потом добавив нос и глаза с двумя шариками зрачков.

- Я сделал голову, – гордо объявил он.
- Очень хорошо, – ответил Ник. – Чья же она?
- Обязательно чья-та?
- Нет, но вдруг.

Билли отвел взгляд, и в пятно встал Аллен. Он посмотрел на эту голову с отвращением: на простой серый шар наклеено несколько кругляшков. Аллен взялся за инструмент, чтобы переделать. Он задумал показать Нику, что такое настоящая скульптура, изваяв бюст Линкольна или, может, доктора Джорджа.

Когда он поднес руку к лицу, инструмент выскользнул и вонзился в руку, пошла кровь.

Аллен разинул рот. Такая неуклюжесть не была для него характерна. Вдруг он снова влетел в стену. Черт. Снова Рейджен.

- Ну, а сейчас я что не так сделал? – прошептал он.
- *Никогда* не смей трогать работу Билли, – прогремел ответ.
- Черт, да я всего лишь хотел...
- Ты хотел хвастать. Показывать, что талантливый художник. Но сейчас важнее лечение Билли.

Тем же вечером, в палате, Аллен пожаловался Артуру, что ему надоели нападки Рейджена.

- Он такой придирчивый, пусть тогда сам или кто-нибудь еще идет и занимается всем этим.
- Ты слишком много споришь, – ответил Артур. – Порождаешь раздор. Из-за тебя доктор Пульезе выгнал нас с групповой терапии. Ты постоянно манипулируешь персоналом, многие из-за этого относятся к нам плохо.
- Ну пусть тогда кто-нибудь другой все улаживает. Выпусти кого-нибудь неболтливую. Лечение нужно Билли и детям. Пусть они и общаются с этими людьми.
- Я как раз собирался позволять Билли чаще выходить в пятно, – ответил Артур. – Он поговорит с доктором Джорджем, а потом познакомится с нами. Пора уже.

5

Когда в среду 24 мая Миллиган вошел в отделение, доктор Джордж заметил в его глазах страх, буквально отчаяние, словно пациент был готов в любой момент убежать или упасть в обморок. Он смотрел в пол, и доктору Джорджу показалось, что здесь его удерживает какая-то совсем уж тонкая нить. Какое-то время они посидели в тишине, у Билли коленки ходили ходуном от волнения, потом терапевт мягко заговорил:

- Может, расскажешь немного о том, как ты чувствуешь себя в связи с нашей сегодняшней встречей?
- Я ничего об этом не знаю, – ответил Билли гнусаво и плаксиво.
- Ты не знал, что идешь ко мне? Ты когда встал в пятно?
- Билли смутился.
- Пятно?
- В какой момент ты понял, что тебе придется со мной разговаривать?
- За мной пришел тот человек и сказал идти за ним.
- А к чему ты готовился?
- Он сказал, что ведет меня к врачу. Не знаю зачем. – Колени ходили ходуном.

Разговор шел медленно, перемежаясь длительными и мучительными периодами молчания. Доктор Джордж пытался наладить контакт с основным Билли – в том, что это именно он, терапевт не сомневался. Доктор Хардинг напоминал рыбака, который аккуратно ведет удочку, когда пытается вытянуть рыбу, но не сломать удилище.

– Как ты себя чувствуешь? – прошептал он.

– Наверное, хорошо.

– А какие у тебя раньше были проблемы?

– Ну... иногда я что-нибудь сделаю и не забуду... Я засыпаю... а мне потом рассказывают, что я делал.

– О чем тебе рассказывали?

– О плохих поступках... преступлениях.

– А ты хотел все это делать? Многих из нас время от времени охватывают внезапные и разнообразные желания.

– Просто каждый раз, как я проснусь, мне говорят, что я сделал что-нибудь плохое.

– И как ты на это реагируешь?

– Я хочу умереть, и все... я не хочу никому делать плохо.

Билли так затрясся, что доктор Джордж поспешно сменил тему:

– Ты рассказывал о том, что спишь. Подолгу?

– Кажется, нет, но потом выясняется, что да. И я еще слышу всякое... кто-то пытается со мной разговаривать.

– Что они хотят сказать?

– Да я почти ничего не могу разобрать.

– Это потому, что говорят шепотом? Или слова путаются? Или просто не можешь слышать?

– Голоса еле слышны... как будто они где-то в другом месте.

– В соседней комнате или в другой стране?

– Да, – согласился Билли, – в другой стране.

– В какой-то конкретной?

Он долго вспоминал, потом ответил:

– Похоже на «Джеймса Бонда». А один как будто русский. Мне одна леди сказала, что внутри меня живут люди, – это они разговаривают?

– Возможно, – едва слышно испуганно прошептал доктор Джордж, потому что Билли снова встревожился.

Миллиган вдруг закричал:

– *Что они там делают?*

– Скажи, что они тебе говорят? Может, так мы сможем это понять. Тебе говорят, что делать, приказывают, советуют?

– Похоже, они говорят: «Слушай его. Слушай его».

– О ком это они? Обо мне?

– Вроде бы.

– А когда меня нет, когда ты один, они с тобой тоже разговаривают?

Билли вздохнул.

– Они как будто *про* меня разговаривают. С другими.

– Похоже, что они тебя защищают? Говорят о тебе друг с другом для того, чтобы тебя оберечь?

– Мне кажется, они делают так, чтобы я спал.

– Когда такое происходит?

– Когда я очень расстраиваюсь.

– Может, когда ты расстроишься невыносимо сильно? Это вообще одна из причин, почему люди спят – чтобы избежать того, что их расстроило. Тебе не кажется, что ты становишься достаточно сильным и им больше не надо тебя так оберегать?

– Кто эти *они*? – закричал Билли, снова встревожившись. – Кто все эти люди? Почему я должен из-за них спать?

Доктор Джордж решил, что лучше пойти по другому пути.

– Что для тебя самое трудное в жизни?

– Когда кто-нибудь меня обижает.

– Это тебя пугает?

– Я из-за этого засыпаю.

– Но тебя же все равно могут обидеть, – подчеркнул доктор Джордж. – Даже если ты не будешь об этом знать.

Билли положил руки на трясущиеся коленки.

– Но если я усну, больно не будет.

– А потом?

– Не знаю... Когда я просыпаюсь, мне не больно. – После очень длительной паузы он снова поднял глаза: – Никто мне не объяснил, откуда взялись эти люди.

– Которые с тобой разговаривают?

– Да.

– Может, это как раз связано с тем, о чем мы только что говорили. Когда ты сам не знаешь, как защититься от опасности, какая-то другая твоя сторона придумала, что делать, чтобы тебе не было больно.

– Другая моя сторона?

Доктор Джордж улыбнулся и кивнул, ожидая реакции. У Билли дрожал голос.

– А почему я эту другую сторону не знаю?

– Думаю, потому, что внутри тебе очень и очень страшно, – сказал доктор Джордж. – И этот страх мешает тебе действовать, когда надо защищаться. Тебя это почему-то чересчур пугает. И ты засыпаешь, а твоя другая сторона принимает меры.

Билли как будто задумался, а потом посмотрел на доктора Джорджа, словно сию секунду поняв.

– А почему я такой?

– Должно быть, тебя что-то сильно напугало в раннем детстве.

Билли долго молчал, потом заплакал.

– Я не хочу о том думать. Это больно.

– Но ведь ты сам спросил меня, почему ты засыпаешь, когда возникает опасная для тебя ситуация.

Билли осмотрелся.

– А как я попал в эту больницу? – чуть не задохнувшись, проговорил он.

– Миссис Тернер, доктор Кэролин и доктор Уилбур подумали, что, возможно, после лечения тебе не придется так надолго засыпать. Что ты сможешь научиться справляться с проблемами и пугающими ситуациями.

– То есть вы можете это сделать? – плача, спросил Миллиган.

– Мы как минимум очень хотим тебе в этом помочь. Ты согласен?

Билли снова закричал:

– *Значит, вы всех их из меня выгоните?*

Доктор Джордж откинулся на спинку кресла. Надо постараться не обещать слишком многого.

– Мы хотим помочь тебе, чтобы не приходилось столько спать. И эти твои стороны тоже помогут тебе стать сильным и здоровым человеком.

– Я перестану их слышать? Они не смогут меня усыплять?

Доктор Джордж выбирал слова осторожно.

– Если ты наберешься сил, им не придется тебя усыплять.

– Я раньше не думал, что кто-то вообще сможет мне помочь. Я... Я не знал... Всякий раз, как я поворачивался, я просыпался... в комнате взаперти... или снова в ящике... – Миллиган хватал ртом воздух, а взгляд в ужасе метался туда-сюда.

– Наверное, это очень страшно, – попытался подбодрить его доктор Джордж, – просто ужасно страшно.

– *Меня всегда засовывали в ящик*, – сказал Билли, снова переходя на крик. – Он знает, что я здесь?

– Кто?

– Мой папа.

– Мы с ним не общаемся. Я не в курсе, знает ли он.

– Я... я ничего не должен рассказывать. Если он узнает, что вы со мной разговариваете, он... ой!.. Он меня убьет... и закопает в сарае...

На Билли было трудно смотреть, его лицо перекошилось от боли, он сжался, опустил глаза. Удочка хрустнула. Доктор Джордж понимал, что потерял его.

Тихо зазвучал голос Аллена:

– Билли уснул. Артуру даже не пришлось его усыплять, он сам, потому что начали возвращаться воспоминания.

– Эта тема оказалась слишком непереносимой, да?

– А о чем вы говорили?

– О Челмере.

– Ох, это... – он посмотрел на видеокамеру. – А почему аппарат включен?

– Я сказал Билли, что хотел бы записать его на видео. Объяснил ему, как это происходит. Он согласился. А почему вышел ты?

– Артур сказал. Думаю, вы напугали Билли этими воспоминаниями. Они его как будто держат.

Доктор Джордж начал пересказывать их беседу, а потом ему в голову пришла мысль.

– Слушай, а я могу поговорить с тобой и Артуром одновременно? Чтобы мы сразу втроем обсудили то, что только что произошло?

– Ну, я могу спросить у Артура.

– Спроси и узнай еще вот что: не думает ли он, что Билли уже стал сильнее и не настолько склонен к самоубийству, что, вероятно, можно позволить ему брать на себя больше...

– У него нет суицидальных наклонностей.

Зазвучал тихий, но четкий голос с британским акцентом, и доктор Джордж понял, что Артур решил выйти и сам ответить на вопрос. Он не видел Артура с того воскресенья, когда с ним говорила доктор Уилбур. Терапевт постарался сохранять самообладание и продолжил беседу:

– Стоит ли до сих пор сдвигать с Билли пылинки? Он все еще так же уязвим?

– Да, – сказал Артур, складывая кончики пальцев. – Он очень пуглив. Параноидален.

Доктор Джордж подчеркнул, что он сам не планировал пока заводить беседу о Челмере, но, похоже, это было нужно Билли.

– Вы затронули тему прошлого, – Артур старательно подбирал слова. – Это первое, что пришло ему в голову. Ну, и обычный страх сделал свое дело. Этого оказалось более чем достаточно, чтобы он заснул. Я не мог это контролировать. Я дал ему проснуться до того, как он пришел...

– Тебе известно, что он говорит, когда не спит?

– Частично и не всегда. Я не всегда точно знаю, что он думает. Но когда Билли думает, его страх я ощущаю. По какой-то причине он не может четко слышать то, что я ему говорю. Но, похоже, он понимает, что иногда мы его усыпляем, а иногда он *может* сделать это сам собой.

Затем они обсудили кое-что в общем о некоторых личностях, но когда Артур начал что-то вспоминать, он резко остановился, склонил голову и закончил разговор.

– Там кто-то есть, – сказал он и ушел.

За дверью оказался психотехник Джефф Джаната, обещавший прийти за пациентом без четверти двенадцать.

Артур выпустил Томми, и они с Джеффом отправились в Уэйкфилд.

На следующий день, когда до визита доктора Уилбур оставалось два дня, доктор Джордж по дрожащим коленкам понял, что на сессию снова пришел Билли. Он слышал имена «Артур» и «Рейджен» и хотел выяснить, кто они такие.

«И как ему сказать», – думал Хардинг. Он представлял ужасную картину: Билли, осознав правду, покончит с собой. У его коллеги в Балтиморе был пациент, который повесился в тюрьме, узнав, что у него расщепление личности. Доктор Джордж вдохнул поглубже.

– Голос, как в фильме про Джеймса Бонда, принадлежит Артуру. «Артур» – это одно из твоих имен.

Коленки замерли. Глаза округлились.

– Артур – это часть тебя. Ты хочешь с ним познакомиться?

Билли затрясся, коленки прыгали так сильно, что он сам это заметил и положил на них руки.

– Нет. От этого спать хочется.

– Билли, я думаю, что если бы ты как следует постарался, то тебе бы удалось не заснуть, когда появится Артур. Когда ты услышишь его, ты поймешь, в чем заключается твоя проблема.

– Это страшно.

– Но ты можешь мне довериться?

Билли кивнул.

– Хорошо. Ты будешь сидеть здесь, а Артур выйдет в пятно, и мы с ним поговорим. А ты не уснешь. Ты будешь все слышать и запомнишь это. Некоторые другие так делают. Ты выйдешь из пятна, но не утратишь сознание.

– Какого «пятна»? Вы и в прошлый раз о нем говорили, но не объяснили, что это.

– Артур говорит, что именно так твои внутренние люди проявляются в реальности и начинают действовать. Это как пятно света от большого прожектора, кто в нем стоит, тот и находится в сознании. Закрой глаза, и ты его увидишь.

Билли закрыл глаза, а Хардинг затаил дыхание.

– Вижу! Я как будто на темной сцене, а на меня светит прожектор.

– Хорошо. Теперь сделай шаг в сторону, выйди из света, и тогда должен появиться Артур и поговорить с нами.

– Выхожу, – объявил Билли, и коленки перестали трястись.

– Артур, Билли надо с тобой поговорить, – сказал Хардинг. – Мне неловко тебя вызывать, но для терапии Билли важно, чтобы он узнал о твоём существовании, как и обо всех остальных.

У Хардинга вспотели ладони. Когда пациент открыл глаза, поменялось и лицо: вместо мрачного Билли появился высокомерный Артур с тяжелыми веками. Сжатые челюсти, губы едва шевелятся, отчетливый акцент британской аристократии, как позавчера.

– Уильям, это Артур. Хочу, чтобы ты знал, что здесь безопасно, люди стараются тебе помочь.

Выражение лица Билли мгновенно переменялось, глаза широко распахнулись. Он удивленно осмотрелся вокруг и спросил:

– Почему я раньше про вас не знал?

Снова включился Артур.

– Я рассудил, что тебе лучше пребывать в неведении, пока ты не был готов. Ты постоянно предпринимал попытки покончить с жизнью. Так что мы считали правильным дожидаться подходящего момента, чтобы посвятить тебя в эту тайну.

Доктор Джордж слушал и наблюдал; он очень боялся и в то же время радовался тому, что Артур проговорил с Билли почти десять минут, за которые рассказал о Рейджене и остальных восьми личностях и объяснил, что задача доктора Джорджа – объединить все эти сознания в одно, чтобы снова сделать его цельным человеком.

– И вы это сможете? – Миллиган уже обращался к доктору Джорджу.

– Билли, это называется слияние. Происходит оно довольно медленно. Сначала это будут Аллен с Томми, потому что они очень похожи. Потом – Дэнни с Дэвидом, но им обоим нужна длительная терапия. А потом будем по очереди объединять и остальных, пока ты не станешь снова цельным.

– Обязательно объединять их со мной? Нельзя от них просто избавиться?

Доктор Джордж сложил кончики пальцев.

– Другие терапевты уже пробовали этот способ с такими же пациентами, как ты, Билли. И он не сработал. Оптимальные условия для выздоровления – это объединить все твои сущности вместе, для чего сначала все они начинают общаться, потом запоминают, что делают остальные, чтобы избавиться от амнезии. Мы называем это «общим сознанием». А потом будем работать над объединением всех этих людей. Это и есть слияние.

– И когда вы это сделаете?

– На послезавтра у тебя назначена встреча с доктором Уилбур. Мы проведем демонстрацию и обсуждение, в которых будет участвовать практически весь работающий с тобой персонал больницы. Мы покажем видеозаписи, чтобы некоторые из работников... кто с таким расстройством еще не сталкивался... смогли лучше тебя понять и оказывать помощь более эффективно.

Билли кивнул. Потом его глаза округлились, а взгляд устремился вовнутрь. Он несколько раз кивнул, потом удивленно уставился на доктора Джорджа.

– Билли, в чем дело?

– Артур просил передать, что сам хочет решить, кто может принимать участие в этой встрече.

6

Больница Хардинга буквально гудела от волнения. Доктор Корнелия Уилбур уже выступала здесь с лекцией летом 1955 года, но теперь все иначе. Теперь у них лечится печально известный пациент, первый человек с расщеплением личности, за которым ведут круглосуточное наблюдение в условиях психиатрической больницы. Среди персонала все еще существовали разногласия насчет диагноза, но, тем не менее, всем хотелось попасть на лекцию доктора Уилбур.

И хотя работникам Уэйкфилда заранее сообщили, что планируется присутствие лишь десяти-пятнадцати человек, в подвальный зал административного корпуса набилось человек сто. И врачи, и руководители привели своих жен; сзади расположились служащие других отделений больницы, которые вообще никак не соприкасались с Миллиганом, но они все равно пришли. Кто сел на пол, кто встал к стене; люди толпились даже в вестибюле.

Доктор Джордж продемонстрировал свежие видеозаписи, на которых он и Дороти Тернер беседовали с различными «людьми». Артур с Рейдженем возбудили особенно большой интерес, поскольку ранее никто из персонала, работающего за пределами Уэйкфилда, их не

видел. Адалана, с которой до этого беседовала вообще лишь доктор Тернер, кого-то повергла в восторг, у кого-то вызвала насмешки. Но когда на экране появился сам Билли, основная личность, все благоговейно смолкли. А когда он закричал: «Кто все эти люди? Почему я должен из-за них спать?», некоторые, в том числе и Розали Дрейк, едва сдержали слезы.

По окончании просмотра доктор Уилбур привела в зал самого Билли и задала ему несколько вопросов. Она побеседовала с Артуром, Рейдженем, Дэвидом и Дэнни. Они отвечали, но Розали заметила, как они расстроены. Когда все закончилось, Розали по разговорам поняла, что весь персонал Уэйкфилда так или иначе недоволен. Сестры Эдриен Маккен и Лора Фишер опять возмущались, что Миллигану уделяют столько внимания, прославляют его. А сама Розали, Ник Чикко и Донна Эгар злились, что Билли вот так выставили напоказ.

После визита доктора Уилбур терапевтическая стратегия снова поменялась, и доктор Джордж сконцентрировался на слиянии. Доктор Марлен Коукэн также назначила график регулярных встреч, на которых личности начали делиться воспоминаниями о мучениях и пытках, прорабатывать их, высвобождая боль, которая и привела к первичной диссоциации в возрасте восьми лет.

Доктор Коукэн план слияния не одобрила. Она знала, что таким образом доктор Уилбур работала с Сибил, и считала, что в других обстоятельствах, возможно, методика и годилась бы. Но сейчас следует подумать о том, что будет, если Рейджена объединить с остальными и отправить Миллигана за решетку. В опасной тюремной обстановке у него не будет способов защиты, и, оставшись без них, он может там умереть.

– Раньше не умирал, – возразил кто-то.

– Да, но раньше его защищал Рейджен. Если его снова изнасилуют – вы же знаете, такое в тюрьмах часто бывает... он, вероятнее всего, покончит с собой.

– Но наша задача произвести слияние, – ответил Хардинг. – Она поставлена судом.

Основному Билли посоветовали слушать остальных своих личностей, отвечать им, признавая их существование, разузнать, каковы они. Благодаря постоянным напоминаниям Билли мог проводить в пятне все больше и больше времени. Слияние должно было проходить поэтапно: сначала планировалось объединить попарно те личности, у которых много общего или хотя бы сходные качества, после чего работать уже с ними методом интенсивной суггестии, до тех пор пока все они не сольются в первоначальном Билли.

Поскольку наиболее похожи были Аллен с Томми, планировалось начать со слияния этой пары. По словам самого Аллена, за многочасовыми спорами и аналитическими сессиями доктора Джорджа следовали еще более длительные внутренние беседы между Артуром и Рейдженем. Аллен с Томми старались оказывать доктору Джорджу содействие в процедуре слияния, но дело шло с трудом, поскольку у Томми имелись такие страхи, которых Аллен не разделял. Аллен, например, любил бейсбол, а Томми боялся в него играть, потому что в детстве однажды наделал ошибок и его за это побили. Доктор Джордж предложил, чтобы Ник Чикко, Аллен и остальные личности поговорили с Томми об этом страхе, чтобы помочь ему его преодолеть и чтобы он начал играть в эту игру. Планировалось продолжать и арт-терапию, в том числе живопись маслом.

Аллен также сказал, что младшенькие поначалу не понимали саму идею слияния, пока Артур не объяснил им на примере. Он предложил им вспомнить «Кулэйд»⁷, поскольку дети знали, что это такое, и объяснил, что его порошок состоит из различных кристаллов и каждая песчинка отдельна друг от друга. А когда добавляешь воды, все они растворяются. Но если его не выпить, а оставить стоять, то вода испарится и останется твердое вещество. То есть ничего не добавилось, ничего не потерялось. Но изменилось.

⁷ Растворимый напиток, популярный в США.

– Так что теперь все понимают, – сказал Аллен, – что слияние – это все равно что развести «Кул-эйд».

5 июня медсестра Нэн Грейвс записала: «Мистер Миллиган сказал, что на час “Томми” и “Аллен” слились, и это было “странно”».

По заявлению Донны Эгар, Миллиган говорил ей, что беспокоится из-за слияния, так как ему не хотелось, чтобы кто-то умирал и чтобы его способности и сильные стороны ослабли. «Но мы над этим работаем», – заверил ее Аллен.

На следующий день Гэри Швайкарт и Джуди Стивенсон принесли хорошие новости. Суд продлил срок лечения Билли в больнице Хардинга, добавив на завершение процедуры слияния как минимум три месяца.

В среду вечером, 14 июня, в музыкальном зале Томми играл на ударной установке. Розали Дрейк его слушала. Она знала, что раньше на барабанах играл только Аллен. Но, по всей видимости, в состоянии слияния у них получалось не так хорошо, как если бы Аллен был один.

– Я чувствую себя так, будто краду талант Аллена, – поделился он.

– Ты пока еще Томми?

– Я – сочетание, имени у меня теперь нет. И это мне не нравится.

– Но ты же откликаешься на «Билли».

– На это имя я всегда отзывался, – сказал он, выстукивая медленный ритм.

– А почему ты не можешь продолжать в том же духе?

Он пожал плечами.

– Да, думаю, так для всех будет проще. Ладно, – и сказал, стуча по барабану: – Можете так и звать меня Билли.

Слияние шло этапами. Иногда на различные промежутки времени семь личностей – за исключением Артура, Рейджена и Билли – сливались воедино. Во избежание путаницы Артур назвал этот конгломерат именем «Кенни». Но оно не прижилось, и все продолжали звать и его Билли.

Вечером одна пациентка принесла сестре Йегер записку, найденную в мусорной корзине Билли. Похоже было, он снова хотел покончить с собой. Его сразу же вернули под усиленное наблюдение. Согласно записям сестры Йегер, в последующие дни он то сливался, то разъединялся, но все больше времени находился в состоянии слияния. К 14 июля он проводил в общем сознании уже большую часть дня и казался при этом весьма умиротворенным.

Шли дни, и Миллиган почти постоянно являл собой объединенную личность, но возникали краткие моменты потери сознания, когда пациент был абсолютно не в состоянии контролировать пятно.

28 августа Джуди с Гэри снова посетили своего клиента в больнице и напомнили, что суд уже через три недели ожидает нового отчета от доктора Джорджа. Если он посчитает, что Миллиган стал достаточно целостным и в состоянии предстать перед судом, то судья Флауэрс назначит дату слушания.

– Думаю, следует обсудить стратегию поведения в суде, – сказал Артур. – Мы хотим изменить свое заявление. Рейджен готов признать вину и понести наказание за три ограбления, но не за изнасилования.

– Но четыре пункта из всех десяти, в которых ты обвиняешься, – это изнасилования.

– По словам Адаланы, все три женщины пошли навстречу, – заявил Артур. – Ни у одной из них нет физических повреждений. У каждой была возможность убежать. К тому же Адалана

сказала, что вернула каждой из них часть денег, так что, когда им компенсируют убытки по страховке, они окажутся даже в выигрыше.

– С их показаниями это не сходится, – возразила Джуди.

– И кому вы поверите? Им или мне?

– Такой вопрос можно было бы задавать, если бы только одна из них противоречила Адалане. Но с ее словами не сходятся все три версии. Ты же понимаешь, что они не были знакомы, не общались.

– Но каждая из них имеет повод не говорить правду.

– Ты-то откуда знаешь, что произошло на самом деле? – поинтересовалась Джуди. – Тебя там не было.

– Но была Адалана, – ответил Артур.

Ни Джуди, ни Гэри не поверили, что жертвы пошли навстречу, они считали, что Артур подавал события так, как их видела Адалана.

– Можно с ней поговорить? – попросил Гэри.

Артур покачал головой.

– За содеянное я запретил ей когда-либо выходить в пятно. Никаких исключений быть не может.

– Тогда, боюсь, мы не сможем поменять заявление, – ответил Гэри. – Невиновен. Невиновен по причине невменяемости.

Артур холодно посмотрел на него и сказал, едва шевеля губами:

– Вы не вправе ссылаться на невменяемость от моего имени.

– Это наш единственный шанс, – сказала Джуди.

– Я не сумасшедший. Тема закрыта.

На следующий день Джуди с Гэри получили очередную записку на желтой бумаге для юридических документов, в которой говорилось, что Уильям С. Миллиган больше не хочет, чтобы они представляли его интересы в суде и что сам будет защищать себя.

– Он опять нас уволил, – сообщил Гэри. – Что скажешь?

– Думаю, что я этого не видела, – ответила Джуди, пряча листок в папку. – Бумаги то и дело теряются, попадают не туда. У нас такая шикарная система архивирования, что его найдут месяцев через шесть-семь.

В течение трех последующих дней три аналогичных письма «попали бог знает куда», и, не получив ответа, Артур, наконец, бросил попытки их уволить.

– Ну, а у нас есть шансы выиграть, если мы объявим его невменяемым? – спросила Джуди.

Гэри закурил трубку, фыркнув, выпустил дым.

– Если Кэролин, Тернер, Коукэн, Хардинг и Уилбур как один заявят, что Билли, по определению штата Огайо, был не в себе во время совершения преступлений, то, думаю, шансы весьма велики.

– Но ты же сам мне говорил, что еще ни один серьезный преступник с множественной личностью не был оправдан под предлогом невменяемости.

– Ну, – протянул Гэри, и сквозь бороду мелькнула ухмылка, – тогда Уильям Стэнли Миллиган станет первым.

7

Доктору Джорджу Хардингу-младшему пришлось вести борьбу с собственной совестью. Он не сомневался, что слияние уже произошло или скоро произойдет, и, возможно, этого будет достаточно, чтобы Миллиган мог предстать перед судом. Но проблема заключалась не в этом. По ночам доктор Джордж лежал в постели без сна, обдумывал отчет для судьи Флауэрс, пыта-

ясь решить для себя, имеет ли он моральное право использовать диагноз множественной личности как защиту от обвинения в таких страшных преступлениях.

Он очень уважал закон. И боялся, что его отчетом могут злоупотребить, что это дискредитирует диссоциативное расстройство личности как диагноз, негативно скажется на других пациентах с таким же заболеванием, на доверии к его профессии и показаниям психиатрической экспертизы в целом. Если судья Флауэрс согласится с тем, что расстройство множественной личности, которое на данный момент относится к неврозам, – повод счесть обвиняемого невиновным по причине невменяемости, это создаст прецедент, который окажет большое влияние на штат Огайо, а может, и на всю страну.

Доктор Джордж не сомневался, что в те злосчастные октябрьские дни Билли Миллиган не контролировал свои поступки. Его профессиональной задачей было выяснить об этом явлении как можно больше, узнать то, что ранее было неизвестным. Разобраться в данном случае, понять Билли настолько, чтобы это могло принести пользу обществу в решении аналогичных проблем. Хардинг опять обзвонил коллег, спрашивая их мнения и советов, побеседовал с персоналом собственной больницы – и 12 сентября 1978 года сел за стол и написал заключение для судьи Флауэrsa на девяти страницах, в которых описал медицинскую, социальную и психиатрическую историю Билли Миллигана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.